В страхе прозрения

Азат ГМ

Азат ГМ
В страхе прозрения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10265021
ISBN 978-5-4474-1081-0

Аннотация

Главный герой, 20-летний студент Алекс Мейк, под влиянием ряда необъяснимых психофизиологических явлений (жамевю, дежавю, сонный паралич) вдруг «прозревает». Открывается «новый взгляд» на действительность: чистой гармонией предстаёт природа и страшно-безумными катастрофическими картинами видится деятельность человечества. Алекс видит всё, но не находит лишь смысла в своей жизни и в окружающем его мире. Задаётся вопросами, действует, ищет, но некая сила – рок, случай – мешает ему найти ответы.

Содержание

Часть I. Пустой сосуд 5
Лекция первая: «Журналистское мастерство» 5
Лекция вторая: «Литература XX века» 55
Лекция третья: «Толкование сновидений» 73
Лекция четвёртая: «Студ Big Bang» 83
Цветная капуста в томатном соусе 94
Конец ознакомительного фрагмента. 105

В страхе прозрения
Азат ГМ

Познай самого себя и ты познаешь весь мир.
Сократ

Постигая себя как экзистенцию, человек обретает свободу, которая есть выбор самого себя, своей сущности, накладывающий на него ответственность за всё происходящее в мире.
Экзистенциализм, БЭС

Изумительное и ужасное совершается в сей земле: пророки пророчествуют ложь, и священники господствуют при посредстве их, и народ Мой любит это. Что же вы будете делать после всего этого?
Иеремия. 5:30—31

© Азат ГМ, 2017
© Азат ГМ, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4474-1081-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I. Пустой сосуд

Всё на свете функционально, а особенно то, что решительно ничему не служит.
Станислав Ежи Лец

Лекция первая: «Журналистское мастерство»

Секундная стрелка настенных часов, совершив полный оборот по циферблату, замерла на «12», и тут же вновь пустилась в размеренный круг своей жизни. Стрелка дошла до «2» и раздался не громкий, но продолжительный звонок…

Прозвенев в стенах факультета одного провинциального вуза, звонок сигнализировал о начале пары. Всколыхнувшийся поток людей, набирая всё большую силу, ускорение и мощь, сокрушая тишину и оживляя всё вокруг, затоплял коридоры заведения. Волны студентов с большим шумом метались из стороны в сторону: кто-то, роняя кипу бумаг, бежал; кто-то, скользя по кафелю, падал; кто-то, выходя со стороны буфета, что-то дожёвывал. А на гребне этих волн – безмятежно возвышаясь над суетой и уверенно рассекая толпу – спешили в аудитории целеустремлённые преподавате-

ли… Но постепенно волнение спадало, движение замедлялось, приходило в порядок и, вскоре, в коридорах факультета оказалось пусто – вновь воцарилась тишина.

Сквозь разбежавшуюся по аудиториям толпу людей, в опустевшем холле заведения, показался небольшой кожаный диван. А на диване этом, в полулежащем положении, располагались студенты и, вопреки всякому звонку, читали номер спортивной газеты.

Формат газеты был настолько большой, что разворот её полностью скрыл собой студентов, и лишь по торчащим из-под газеты ногам можно было понять, что сидело два человека. Один, тот, что держал газету правой рукой, сидел в чёрном классическом костюме, носил на себе причёску из чёрных волос и изучал иностранные языки, другой изучал журналистику, был коротко стрижен – почти лыс, сидел в белом спортивном костюме и держал газету левой рукой. Увлечённо читая обзор испанской «Ла-лиги», под авторством известного телекомментатора Вани Селезнёва, оба студента вдруг – снизу, из-под газеты – увидели, чьи-то чёрные блестящие ботинки.

– К тебе вроде пришли… – шёпотом произнёс сидящий в классическом костюме обращаясь к тому, что сидел в спортивном.

Слегка загнув угол газеты, студент-журналист увидел человека: на вид ему было лет 25—27, в строгом сером костюме, в левой руке человек держал тяжёлый портфель, а сквозь

маленькие аккуратные очки его, студента сверлил сердитый немигающий взгляд. Взгляд этот, сразу же узнанный студентом, принадлежал преподавателю – Грецкому Аполлону Григорьевичу. Правая педагогическая рука Грецкого в этот момент вытянулась, и на конце её расположился грозный перст, указующий в тёмный коридор с аудиториями. Но студент, оставив жест педагога без ответа, вновь скрылся за газетой и тихим шёпотом спросил у иностранца:

– А что звонок уже был?..

– Не знаю, вроде не звенел ещё… – также шёпотом ответил студент-иностранец, продолжая сосредоточенно читать подробный аналитический материал о сенсационных 5:0 на «Камп-Ноу».

– А звонка ещё не… – бодро и весело, выглядывая из-за газеты, обратился студент-журналист к педагогу, но, почувствовав пустоту и тишину в коридорах, посмотрел на часы и понял, что звонок уже был.

Высокий преподаватель, с сердитым немигающим взглядом, продолжая смотреть сверху вниз, безгласно – не снисходя до студента – лишь слегка на это кивнул.

Загнав последнего студента в аудиторию №8 и войдя в неё сам, Грецкий, наконец, заговорил:

– Ну, всем привет! Давайте начнём уже… Только вот из деканата выбрался. Снова обрадовали меня там… Снова дали мне вас по горло!.. Дали вести, значит…, три предмета, первое это – журналистское мастерство…, потом…,

что-то ещё и что-то там ещё… Не запомнил пока, какие-то длинные названия придумали… С каждым годом всё длиннее и длиннее… Всего три предмета будут у нас с вами… на целый год, да… Уже лучше!.. в прошлом, помнится, было четыре… Еле отмуч… прошли – протянули – проползли их, – вольно расхаживая по аудитории, начинал преподаватель вводную лекцию с любимыми студентами: с богатым разнообразием довольных выражений на лице, с текучей плавностью речи, с парящим настроением духа, с поэтическим вдохновением…, но тут на глаза попался этот почти лысый студент с дивана: в миг настроение упало – лицо исказилось, взгляд нахмурился, речь ускорилась, и голос стал громче и даже где-то жёстче: – Да, мне очень нравится с вами и вам…, знаю!.. – тоже нравится…, знаю!.. – что ещё не устали, всё ходите на мои пары, не пропускаете. Так держать! Не сдавайтесь!.. И я тоже попробую, не обещ…, не отступлю. Ну что?.. поехали, значит!.. Журналистское мастерство… Во-первых, надо сказать…

И началась лекция…

Лекции свои Грецкий вёл «в своём стиле». Стиль был очень смешанный: прежде всего, что-то в нём было от «поэта-бунтаря» – «странствующего романтика», который, прекрасно сочетался с осторожной степенностью «философа-мыслителя», а дополнял экстравагантный образ педагога – «танцор цыганской венгерки». Все эти характерные черты периодически менялись местами, в разных комбинаци-

ях и пропорциях смешивались, и создавали неповторимую композицию «педагогической картины» – Грецкого.

Расхаживая вокруг трибуны и временами подсматривая в свою рабочую тетрадь, виртуоз педагогических наук, то, скрестив руки на груди, что-то вспоминал и думал, то, жестикулируя, о чём-то увлечённо рассказывал. Часто он смотрел в потолок, и – вероятно, видя там свет – вдохновлялся ещё больше, погружался в тему лекции ещё глубже, что-то в этих глубинах вдруг находил – может быть, сознание его озарялось, и в миг открывались новые знания – после чего с находкой выныривал на поверхность, прерывал речь и, замерев посреди аудитории, поочерёдно, с ужасом смотрел на студентов с видом: «Вы кто такие?! Что я здесь делаю?!», но тут же приходил в себя, вспоминал о своей нелёгкой преподавательской деятельности, успокаивался и, сознательно уснащивая речь оговорками, продолжал дальше преломлять физический свет ламп в плоскость метафизических абстракций.

Столь ценного для педагога отражения «света знаний» Грецкий, прежде всего, искал в глазах студентов – самой любимой, самой драгоценной, самой «захоленой» и самой «залелеенной» – первой парты. За «культовой и легендарной» преподавательского мира сидел в этой группе лишь один студент, вернее студентка: стройнейшая светлая блондинка с большими синими глазами – Изольда была идеальным образцом: и глаза её, и лицо, и всё на ней целиком – блестя-

ще отражали «свет» преподавательского труда. Грецкий всё ходил из стороны в сторону и поглядывал на первую парту. Внимательные глаза за первой партой не моргали, они были заняты – непрерывно и совершенно неподвижно – глаза отражали. Грецкий уходил в сторону – а глаза не двигались. Грецкий снова проходил мимо – глаза сохраняли покой. Неподвижные, большие синие глаза всё смотрели – глаза отражали «свет знаний».

За «светом знаний» Изольда прилетела из далёкого сказочного севера – из-за полярного круга. Прилетела она на большом самолёте, до которого пришлось лететь пять часов на маленьком, а до него ещё два часа добиралась на оленях. Попрощавшись с белоснежным простором родной земли, «синеглазая частичка севера» оказалась в большом тёплом городе, с горячечно-быстрым ритмом жизни, однако, несмотря на смену климата, что-то «ледяное» в ней по-прежнему сохранилось.

– Да! – Первоклассный студент!.. Как всегда неподражаема! Вот так Изольда!.. Действительно изо льда!.. Сколько смирения пред педагогом! Сколько усердного внимания!.. – Ну, прямо вся изо льда!.. – мысленно восхищался Грецкий.

Заручившись надёжной поддержкой со стороны первой парты, Грецкий уверенно продолжал лекцию. Скудный свет люминесцентных ламп больше не удовлетворял его – преподаватель подошёл к окну и смотрел на небо: яркий солнечный свет бурно заливал аудиторию громогласными речами –

«светом знания».

Тем временем – пока педагог синтезировал физику в метафизику – Изольда, быстро и ловко, стала что-то записывать, но не в лекционную тетрадь, а в какой-то вдруг появившийся листок. Написав записку и с хитрой улыбочкой, опасливо поглядывая на преподавателя, Изольда в миг избавилась от бумажки, передав её на заднюю парту.

Грецкий, краем глаза заметив за своей спиной движение, не прерывая лекции и довольствуясь светом ламп, вернулся к трибуне. Студенческая «атмосфера» по-прежнему была сосредоточена, умственно напряжена и сохраняла внимательность. Недоверчивое выражение на лице студентки, сидящей сразу за Изольдой, как и прежде, передавало обескураживающее преподавателя, убийственную мысль: «Врёшь!».

Но Белла Шторм, при всём своём ураганном характере и молниеносной силе хмурого взгляда, никак не могла нарушить, вобравшую в себя силу солнца, поистине «лучезарную поэзию» Грецких лекций – поэтому не упорствовала, а целиком занялась листочком Изольды.

Белла тоже была родом из севера, но не из крайнего – до тёплого города было чуть ближе, и на ездовых сибирских лайках до большого самолёта пришлось ехать всего час.

В миг просияв и хихикнув над запиской, она тоже чиркнула в листок что-то коротенькое и, выждав момент, когда Грецкий – увлечённый преобразованием «высших мате-

рий» – пройдёт мимо, бросила сложенную записку на вторую парту соседнего ряда.

На второй парте соседнего ряда сидела округлой комплекции девушка из того типа людей, про которых в простонародье обычно говорят – «кругла, пухла, румяна», или же ещё проще – «кровь с молоком»: жизнерадостная, энергичная, темпераментная, всегда в игривом настроении – живее всех живых – Перуджа.

Перуджа – загадка природы – тоже была с холодного севера, и удивительной представлялась её взрывная горячность темперамента и активная живость характера. До тёплого города ей было настолько близко, что ни на оленях, ни на сибирских лайках ехать не пришлось в силу того, что они в тех местах уже не водились, поэтому до большого самолёта добиралась она на лыжах.

Развернув записку и хихикнув над ней, студентка – встряхнув пухленькой ручкой, в которой, видимо, заканчивались чернила – тоже, как и все предыдущие, решила что-нибудь чиркнуть. Но ручка писать отказывалась, и пухленькая ручка решительно была заменена на другую – лежащую рядом – ту, что потоньше. Испытав на себе очередную короткую запись, листок продолжил шествие по аудитории и грациозно, из изящных пухленьких ручек Перуджи, перешёл на следующую парту.

На следующей парте, меланхолично свесив голову на бок, самозабвенно предавалась мечтаниям – Элиабель Карамзи-

на. Эли тоже была с севера, но лишь с севера южного региона, и в большой город она не прилетела, а просто приехала на большом красном «Икарусе». Выразив в светлой голубизне глаз блаженную отстранённость от «метафизики» лекций и улетая всё дальше в таинственные миры девичьих фантазий, Эли даже не заметила, что появилась перед ней записка. Но, через миг, вздрогнув, пришла в себя, оттого что пухленькая ручка Перуджи, вооружённая острым маникюром, больно ущипнула её. Развернув записку и ознакомившись с её содержанием Эли, кротко хихикнув, внесла очередную короткую запись и, всё также в тайне от Грецкого, бросила записку на заднюю парту.

Здесь в тёмных одеждах сидели колоритные люди с серьёзными лицами. Один, со стильной причёской и серьгой в ухе, от роговицы глаз до шнурков был облачён во всё чёрное и представлял собой нестандартный – выделяющийся из толпы, но без бросающейся в глаза шокирующей вычурности – простой и стильный образ классического гота. Никаких глубоких убеждений, во внешнем проявлении идей данной субкультуры, в нём не наблюдалось, разве что в общих чертах. И, скорее, лишь как следствие личной сознательности и гуманистических взглядов, прослеживался в нём некий «протест» перед обыденностью – всегда у него было своё непоколебимое мнение и своя, отличающаяся от «официальной», строгая позиция. А образ – просто лишь «забава молодости» – «вольнодумная химера юности». Отчасти внеш-

ность его определялась ещё и тем, что был он – настоящим рок-музыкантом, и даже, как всякий настоящий рокер, имел по пять гитар разного вида, вероятно на тот случай, если вдруг налетит стая муз и в неконтролируемом порыве творческого экстаза, гитара либо вдребезги разлетится по полу, либо вылетит из окна. Мрачный готический стиль его дополняла чёрная кожаная папка, на застёжке молнии которой висел хромированный брелок в виде черепа собаки, вероятно, пуделя. На папке лежал компакт-диск с музыкальными черновиками, с надписью: «Демки Грецкому». Звали гота, рок-музыканта, студента-журналиста, просто – Рок Старов.

Другой – тоже, в общих чертах, гот – со стильной усато-бородатой внешностью, представлял собой брутальную смесь из упитанного рестлера и волосатого хард-рок-барабанщика, но с гораздо большим успехом реализовался он в другом направлении – был талантливым художником-самоучкой. Изобразительное творчество его, по большей части, имело очень специфическое направление: являлось одной из популярных нынче форм современного нетрадиционного искусства, которое, в своё время, постепенно – из тривиального придатка массовой культуры, вычленилось в самостоятельный своеобразный жанр. В общем, звали художника, студента-журналиста ещё проще – Комикс-Мен.

С серьёзным и хмурым выражением прочитав короткие сообщения потрёпанного листка, на усато-бородатом лице художника вдруг расплылась улыбка. Разбавив выспреннюю

«метафизику» лекций радостью земной жизни, Комикс-Мен дежурно «зарисовал» короткую фразу, сложил и передал записку Року.

Развернув листок длинными музыкальными пальцами, Рок прыснул приглушённым смехом, отчего тут же, в спину ничего не заметившего Грецкого бросил виноватый взгляд, затем, словно держа микрофон, поднёс кулак ко рту, опёрся подбородком и, немного подумав – словно прочитав в воздухе видимые только ему слова – своим особенным подчерком, занёс в лист очередную запись. После чего снова сложил записку и передал дальше – на последнюю парту соседнего ряда.

На последней парте соседнего ряда сидели не менее колоритные, но полярно противоположные по стилю внешнего облика, люди. Если готы придерживались преимущественно классического – чёрного стиля, то здесь было настоящее буйство красок – праздник ярких цветов. Первый – ещё непризнанный гений киноискусства, если судить по выражениям лица – герой голливудских блокбастеров, по-актёрски эффектно исказив мужественную мину – призванную выразить «отчаянную самоуверенность перед прыжком в пропасть без парашюта» – был в джинсовых одеждах с кельтско-азиатской абстрактной символикой, на руках были чёрные кожаные перчатки без пальцев, с мелкими хромированными шипами, а на голове красовалась причёска из крашеных – огненно-рыжих, зачёсанных назад, волос, цвет которых, менялся

очень часто. Это был человек с большой силой воли, которая прекрасно сочеталась в нём с невероятной – для его внешне сухого сложения – силой физической. Поступки его отличались самоотверженным благородством, было в нём настоящем что-то честное и надёжное – проступал какой-то рыцарский образ, но случалось это лишь в свободное от «актёрской деятельности» время – что случалось редко и о чём знали лишь немногие посвящённые. Вполне возможно, что благородная рыцарская доблесть его, напоминающая безумную самоотверженность самурая, определилась в нём вследствие давнего, очень многопланового и глубокого погружения в высокую культуру Японии. В то время как за окном в его квартире вырисовывался печальный и страшный, постапокалиптический пейзаж, состоящий из железной дороги и какой-то вечно дымящейся далёкой промзоны, отчего казалось, что над всем этим всегда висят густые свинцовые тучи. Грезил он кинематографом, профессионально увлекался компьютерными играми, а звали его – Тристан Китано.

Развернув листок и улыбнувшись от написанных в ней фраз, он дополнил записку своей короткой записью и передал её второму обитателю парты.

Вторым обитателем парты был тот самый коротко-стриженный студент с дивана. Спортивный костюм его был не просто белый, а красно-белый. Белые же спортивные брюки иногда сменялись синими, синие менялись на красные, красные – на серые, мечтал он о цвете «морской волны»,

но так и не нашёл. Звали студента Алекс Мейк. Кем он был, откуда пришёл и куда идёт – не знал никто. Некоторым было известно, что нравилось ему отгадывать всевозможные загадки, разгадывать различные ребусы, а из жанров компьютерных игр предпочитал он более всего – «приключение» или правильнее «quest»: любил раскрывать метафоры и раскапывать глубоко зарытые аллегории, в этом он был почти что мастер, а точнее подмастерье. Также доносились смутные сведения, что когда-то хотел он стать деятелем традиционного искусства – художником-графиком, но, то ли «жизнь сложилась иначе», то ли просто мечта перегорела – талант пришлось глубоко зарыть, да и время авторитарного капитализма подошло кстати – было не до духовных ценностей, да и духа – по его убеждениям – никакого не было. А честно сказать – и убеждений-то, тоже никаких не было. Всякий кто хотел бы кратко дать ему точную характеристику, или сложить верное представление о нём, всегда в итоге ошибался. Никто, в том числе и он сам, не мог проникнуть в его запертый внутренний мир. Вероятно, поэтому ничего ясного и однозначно-характерного про него сказать и нельзя – представлял он собой нечто среднестатистическое – «ни то ни сё».

Отрываясь от своей тетради, в которой, как и во всех других – кроме одной – по психологии – была понятно и со смыслом законспектирована лишь самая первая лекция, Алекс, что-то дорисовывая – видимо, всё же, прорывались тайные и древние, давно зарытые желания – взял за-

писку, прочитал и… нахмурился. После чего отодвинул тетрадь в сторону и, совершенно не скрываясь от преподавателя, стал что-то долго писать в этот загадочный листок. Грецкий, заметив это и, кроме того, увидев в тетради студента, вместо лекций, какие-то крылышки, вероятно, подумал о нём что-то неодобрительно ироничное. Но, об этом можно сказать с уверенностью, не придал этому серьёзного значения и вообще никакого значения он ему не придавал, а всё оттого, что на Алексе висел – видимый только Грецкому – «ярлык». «Ярлык» был повешен в самый первый день знакомства, которое – отчего-то – вдруг не заладилось. Никто точно не знает, почему так получилось, но вероятно, всё дело в том, что однажды, пару лет назад:

Двери одного провинциального вуза отворились, и в холле заведения показалась компания из двух студентов и одной студентки. Запоздалое явление их, в стенах вуза, произвело достаточно много шума от их же громких разговоров в тихой атмосфере опустевшего холла, так как звонок на пару прозвучал уже полчаса назад. Шумное явление студентов, однако, не было сопровождёно ничем особенным, разве, что привлекло внимание двух пожилых женщин, сидящих на вахте за стеклянной ширмой. Откуда открывался прекраснейший обзорный вид на «студенческую жизнь», бурлящую в промежутках между урочными парами и, вероятно, имевшую больший «зрительский успех», чем популярные телевизионные шоу, так как сине-экранный на столе в преподаватель-

ской был забыт совершенно. Лишь под конец учебного дня, когда всё «бурлящее» утекало, включался и телевизор. О чём говорилось между обеими женщинами после появления трёх студентов, называли ли они их «бездельниками» или размышляли о «несмышлёных детях прогуливающих родительские деньги», и говорилось ли вообще что-нибудь касательно этих студентов после их явления в холле – неизвестно. Однако подобные размышления были бы отчасти справедливыми.

Путь студентов в вуз лежал через идеально расположенный сквер имени «Неизвестного» поэта (на самом деле поэт был очень даже известный, но не он виноват в «культурных традициях» общества и в том, что поступки одних очень часто заставляют краснеть других, хотя, наверное, доля ответственности лежит на каждом, но не будем компрометировать поэта). О том, что сквер был имени «Неизвестного» поэта, стало известно в этой группе студентов абсолютно случайно. То ли оттого, что кто-то, решив запечатлеть себя рядом с памятником, заодно запечатлевал и табличку с именем. То ли потому, что кто-то вдруг заметил и захотел узнать: почему рука Ленина (так как все были убеждены, что памятник посвящён вождю мирового пролетариата) вместо того чтобы как обычно в призывающем порыве быть приподнятой и указывать вперёд, оказалась вдруг в кармане штанов. То ли ещё по каким-либо случайным, но столь, же веским причинам, словом никто уже и не помнит об истинной исто-

рии открытия памятника «Неизвестному» поэту. Но открылась правда неожиданно и очень даже поразительно. Впрочем, как и всегда, имеет она свойство для человека – открываться вдруг – заставая врасплох, если он сам с самого начала не предпринял попытку открыть её для себя и, подняв голову, не разобрался: «чьего имени памятник?».

Итак, прекрасным солнечным днём компания, состоящая из двух студентов и одной студентки, под звонкую и мелодичную трель птичьих голосов (скверные вороны старались на бис), проходила через парковую зону – сквер «Неизвестного» поэта. Случайно встретившись на территории сквера и, по всей видимости, вдохновившись местными «красотами», компания решила здесь остановиться и, что называется, «развеяться» и даже «расслабиться». В общем, компания решила «отдохнуть», несмотря на то, что шла постигать научные дисциплины, требующей если не крайней, то хотя бы высокой степени трезвости ума и бодрости сознания.

Подобным отвлекающим образом «красоты» сквера, вероятно, действовали на многих. Потому как трём относительно бедным студентам никак не суметь оставить после себя полные урны и контейнеры того, что недавно ещё называлось – «продукт питания», и что так часто оказывалось на газонах, недолетая, перелетая и совершенно, от своего места назначения, прочь уползая. Кроме того, в самом сквере и вокруг него, периодически, то там, то тут, показывались такие же – мимо проходящие – «отдыхающие», чьи фи-

зиономии, цветом или пока лишь только выражением беззаботной радости и приятной отчуждённости, заявляли о своей – «приличной трезвости и бодрости ума». И ещё много чего такого же «традиционно-культурного» и «облагораживающего» происходило в сквере, о чём даже вкратце упоминать не хотелось бы. Словом общество «окультуривалось» в скверной зоне во всю свою общественную силу. Отчего даже сам памятник имени «Неизвестного» поэта, поставленный в самом центре сквера, и, так как, будучи памятником, при всём своём желании не имея возможности сойти с постамента, принял такую выразительную позу, что никто даже и не усомнился бы в том, что она «невербально» говорила: «Мимо проходил… Транспорт жду» (случайно ли совпавшим образом, или под воздействием ещё каких-нибудь факторов, памятник действительно, повернув и приподняв голову, смотрел на остановку общественного транспорта). В общем, сквер был по-настоящему, самый, что ни на есть – классически скверный. Иной раз, так «приятно вдохновишься и впечатлишься», что проходя в очередной раз мимо, не найдёшь подходящих слов и просто подумаешь: «Сквер… Сквер…, да и только».

Опорожнив сосуды и прилично «отдохнув» в сквере имени «Неизвестного» поэта, компания, состоящая из двух студентов и одной студентки, продолжила свой нелёгкий студенческий путь в вуз. Дорога к заведению действительно была тяжела и усеяна множеством «труднейших испытаний».

То вдруг ниоткуда вырастала «библиотека», то мешала идти «художественная галерея», то, маня и привлекая своими красотами, показывалась «выставка декоративно-прикладного искусства», то «книжная ярмарка» встречалась на пути, то «театр», то «опера», то «балет» норовили попасться, то выступление «симфонического оркестра», то даже «ансамбль японского народного танца» и прочие диковинные культурные особенности всевозможных народов мира, всего не перечислить. Поэтому не удивительно, что студенты опоздали на начало занятий на целых полчаса, а то и на час, точно никто уже и не помнит…

Громко постучав в двери аудитории, в которой уже во всю «бурными потоками» изливалась лекция по «Текстологии», студенты вошли. Заходили медленно, по одному.

– Здравствуйте! Можно к вам?.. – фривольно обращаясь к преподавателю, с ехидно-весёлой улыбочкой посреди розовых щёк, первой вошла Перуджа.

– Простите за опоздание! Спешили – как могли!.. – отчеканив громко и ясно, звонким ораторским голосом, в котором чувствовалась искусственная нотка сожаления, уверенно вошёл Тристан.

– Почему без нас начали?! А?!.. – с грозной укоризной, громко шутя, бесцеремонно, последним вошёл Алекс.

Огорошенный, внезапным явлением чрезмерно возбуждённых студентов, на полуслове-полушаге-полужесте – грубейшим образом прерванный преподаватель текстологии –

Грецкий, явно недоумевая, с лёгким эскизом удивления на лице, замер в странной неудобной позе. И как только в аудитории показались все трое, преподаватель пришёл в себя – собрался с мыслями и эмоциями, отчего тут же в лице его яркими красками нарисовался ужас.

Возрастая в геометрической прогрессии – наибольшей шокирующей новизной внешнего облика для Грецкого обладал именно тот, что вошёл последним. С ужасом, взирая на студента – почти лысого, с раскрасневшимся лицом, с какой-то царапиной возле глаза, в красно-белой олимпийке, в синих спортивных брюках и в серых, стилизованных под туфли, кроссовках – преподаватель невольно вспомнил программу третьего курса. Студент, который сначала отчего-то всё улыбался, но затем, увидев преподавателя – тоже испытал будоражащий сознание ужас и, разглядев все его красочные подробности (в верхней части лица: в сочетании причёски, лба и маленьких очков – что-то было от Чехова в пенсне; а нижняя часть: рисунок неделю небритых усов и пиджак в стиле военного мундира – однозначно напоминала Лермонтова) почувствовал, как усложнилась в голове «картина извилин» головного мозга. Преподаватель, невольно вспоминая, а студент непредумышленно опережая программу обучения на целый курс, испытали вдруг самый настоящий – «культурный шок».

– Проходите, проходите! Скорее уже… – нервно проговорил Грецкий и, с серьёзной харизмой Чехова, стал мучитель-

но вспоминать, на чём его так грубо и так нагло прервали – бессовестнейшим образом опоздавшие – студенты.

Студенты прошли и расселись каждый по своим партам. Наступила вдохновляющая Грецкого тишина, и прерванная лекция полилась вновь.

– Итак… Да…, говоря об уместности интертекста… – зацепил Грецкий обрубленный хвост лекции. – Здесь также следует обратить внимание на следующий очень важный момент и сказать вот о чём. Если использование интертекстуальности в научных произведениях – в виде цитат, прежде всего – вполне обосновано и даже неизбежно – если это действительно серьёзный научный труд – то есть совершенно естественное и необходимое явление, то проблема использования данного приёма в художественных произведениях вызывает целый ряд очень…

– Согласен, только вот тема-то как называется? Вы же нам не сказали… – уверенный в справедливости замечания, спросил, только что отошедший от шока, Алекс.

Вновь прерванный преподаватель, сотрясаясь от гнева, сжал кулаки, стиснул зубы. Картина оживлялась самым ярким штрихом: пиджак его был совершенно оригинален – словно гусарский мундир XIX века. Казалось вот-вот из-под пиджака с металлическим блеском и звоном вдруг обнажится сабля или сверкнёт острый штык карабина. Но, к счастью или к сожалению, брал он с собой на лекции лишь одно своё оружие – язык.

– Щас как скомкаю журнал и брошу!.. На занятия!.. надо приходить!.. – до звонка!.. И к приходу преподавателя!.. – быть готовым внимательно слушать!.. – сдерживаясь от крика, громко и с расстановкой, сквозь зубы произнёс Грецкий – пылкий Лермонтов, как говорится, был – на лице.

– Мы спешили, как могли, – думая, что педагог шутит, возражал студент, даже не подозревая о том, что шутки его с Грецким не только плохи, но и окажут на него в дальнейшем – очень долгоиграющие – негативные последствия. Лекция эта была самой первой на преподавательском поприще молодого педагога, а первые впечатления, очень часто, самые сильные и глубокие. Случись это всё, к примеру, через месяц после начала его учительской деятельности и, вероятно, всё прошло бы гладко и без последствий.

– Знаю, знаю – видел вас в сквере!.. – всесокрушающая мощь, спокойно заявленного, аргумента не нашла более достойного возражения, лишь Перуджа чуть хихикнула, находясь под впечатлением от педагога в военном мундире. – Если не успели, что-то записать – друг у друга спрашивайте. Не отвлекайте…, мешаете очень, – объяснил Грецкий и в лице его вновь показался спокойный Чехов.

Лекция по текстологии благополучно продолжилась вновь и быстро вошла в свой прежний ритм. Грецкий увлёкся собственными речами и в поэтическом вдохновении, заплывал в бездну мыслей всё глубже: уверенно схватив музу за самое надёжное место – воспарил поэтом над студенческой тьмой.

Напряжённо-сосредоточенные студенты внимательно слушали и что-то периодически записывали… или зарисовывали. Сосредоточеннее и внимательнее всех выглядел Тристан. В этот раз его – привычно по-актёрски искажённая – мимика выражала: «крайне отчаянную сосредоточенность, ведь для обезвреживания бомбы осталось полсекунды». Но что-то в его чрезвычайной психической концентрации было не так – напряжённый взгляд его, казалось, содержал какой-то подозрительно-странный блеск некой увлечённости – отстранённость от лекций!.. – словно мыслями своими он в этот момент был совсем в другом месте. Прожигая взглядом тетрадь, он о чём-то усиленно думал – глубоко и многопланово погружаясь, вероятно, искал гениальный сюжет для новой манги, а может, просто – обдумывал тонкости ключевых сцен, дописанного днём ранее, сценария к своему любительскому фильму.

Но Грецкий был увлечён текстологией и в тонкости эмоций студенческих лиц не вникал. Облачённый в военный мундир педагог «сев на своего конька» резво и стремительно пустился вскачь в безграничные просторы научного сознания: со всей своей могучей силой языка, в виртуозном «светопреломлении», заполнял тьму – чистыми реками светлых речей.

И тут вдруг в «чистую реку», в виде какого-то «грязного камня», влетела чья-то шутливая реплика, которая лишь косвенно касалась темы лекции. Отовсюду «круговыми вол-

нами» раздалось приглушённое хихиканье, даже Тристан, оторванный от напряжённых раздумий, не в силах был сдержаться и хихикал громче всех. Вся группа пришла в движение. Аудитория заполнилась хаосом и абсурдом. Вид у Грецкого был такой, словно соскочил он вдруг с несущегося галопом коня – Лермонтов тут же сменил Чехова и не просто был на лице преподавателя, а бушевал там яркими красками.

Грецкого понять можно и нужно. Вполне возможно, что он подошёл к делу со всей ответственностью – вложил в свой труд самую душу, честно и основательно серьёзно работал, и, может быть, даже сидел в библиотеке. Возможно, днём ранее он не просто готовился к лекции как рядовой и опытный педагог, а:

Выехав вечером на дачу, долго гулял на природе: слушал в чаще леса пенье птиц, печально провожающих багровый закат, затем направился к пруду и любовался водной гладью, в которой изредка всплескивалась рыба, отчего тихие воды приходили в волнение, и в ряби отражалась уже взошедшая Луна. В загородной тиши наслаждался прекрасным осенним небом: с красным заревом на горизонте и проблесками ярких звёзд над головой. Насладившись живописными картинами природы и впитав в себя их силу, под стрекотание оркестра сверчков, вернулся он в дачный домик.

В домике повсюду зажёг свечи. Для плодотворной бодрости выпил крепкий кофе и, благоустроив интерьер в комнате, приступил к работе. Приготовил нужные книги, чи-

стые листы бумаги и, ещё чистую и совсем новую – большую и толстую, – рабочую тетрадь преподавателя. Подошёл к старинному – ручной работы – деревянному шкафу с красивой резьбой. Долго стоял рядом и, что-то нашёптывая, в волнении потирал руки. После чего осторожно и с большим трепетом достал из шкафа – сувенирный писательский комплект: гусиное перо, специальный нож для его очинки и склянку с чернилами. «Бесценный раритет», вероятно, принадлежал когда-то его далёкому прапрадеду – тоже учителю, а ему он, может быть, достался от самого Чехова или от Лермонтова, а то даже и от самого Пушкина или Достоевского.

Сделав всё так, как было давно им запланировано, он куда-то ненадолго вышел, а вернувшись, удобно расположился на мягком диване. В таинственно-сумрачном свете зажжённых свечей, откупорив бутылку красного вина, он ожидал явления музы…

Прошёл ровно час. Муза задерживалась.

Но вот, часы пробили полночь, и… снизошёл высший свет чистой поэзии. Облачившись в золотые доспехи могучего сознания, светлый воин просвещения – преподаватель текстологии Грецкий Аполлон – …воспевал!.., творил…, созидал вечную ценность духовных сфер – на крыльях вдохновения взмывая в небеса таланта, под божественную мелодию сладкозвучной кифары, парил, излучая свет…

И после всех этих приготовлений какой-то студент, «в пух и прах», даже не догадываясь о том, каких усилий, стоил

Грецкому его преподавательский труд, взял да и развеял всю утончённую «поэзию» лекций.

Но, не обращая внимания на глупые реплики из аудитории, Грецкий продолжал лекцию. Однако вновь войти в привычный ритм и найти прежнюю колею всё никак не удавалось. Преподаватель был, что называется, «не в духе» просвещения – первая лекция вышла комом.

В чём же заключалась шутка, которая в тот момент, видимо, была не совсем удачной, а может и вовсе – совсем неудачной, и кто её так неуместно пошутил – теперь никто и не вспомнит.

Неизвестно о чём думалось в голове у преподавателя, но в целом вид его сожалел: «Дёрнул же меня кто-то нести сюда свет науки». Сожаление умиротворённого Чехова, периодически сменялось разочарованием разъярённого Лермонтова и красочно блуждало в чертах преподавательского лица ещё на некоторое время. Но, вдруг, неизвестно отчего, лекция прервалась и Грецкий, мягко обращаясь к Изольде – оттого что видел, как она, к началу пары, принесла журнал – спросил:

– Вы староста в группе, да?..

– Нет… – также мягко ответила студентка первой парты.

– А кто тогда ответственный за порядок в этой группе?.. Он у вас есть вообще? – обращаясь уже ко всем – громко, как-то пренебрежительно и, внеся в мимику выразительный штрих брезгливости – спросил преподаватель текстологии

и ищущим, тревожно беглым взглядом пробежался по аудитории туда-сюда.

– А зачем он вам?.. – неопределённо раздалось из тёмных глубин аудитории.

– Ну, кто представитель группы? С кем здесь вести «официальный диалог»?..

– Ведите со всеми, никто не против, – вновь неопределенно отозвалась группа.

– За журнал кто отвечает?!..

– Надо срочно прочитать «Палату №6»! – вдруг пробила неудобного студента неожиданная мысль. – Чего ему надо?! А?! Отношение решил со мной испортить?! Специально, да?! Читал бы спокойно себе лекцию… – путаясь в мыслях и в языке, соображал студент, приподнимаясь и садясь приличнее, сложив перед собой руки, в стиле советского школьника из первого класса.

В аудитории на мгновение воцарилось всеобщее молчание и тишина.

– Официально?.. – серьёзно спросил студент-первоклассник.

– Да хоть как! – в крайней степени нервного расстройства воскликнул педагог в мундире.

– Ну…, я официально… – произнеся первую и последнюю части предложения тихо – но посреди предательской тишины прозвучавшее ясно и чётко – с расстановкой, почти по слогам, медленно и как-то неуверенно, с оглядкой на пре-

дательски пустые задние парты – словно было сказано только потому, что никто более в этом не сознавался, а разрядить напряжённую обстановку надо – и – в надежде, что педагог не услышит и не поймёт – быстро пробегая, не удобное в данном случае, личное местоимение, признался сидящий на последней обитаемой парте – почти лысый, с предательской царапиной возле глаза – опоздавший студент в спортивном костюме. К этому ему захотелось добавить ещё что-нибудь, например: «Дальше что?..» однако, с великой мукой внутри себя, где временами брезжил спрятанный лучик совести, ему всё же удалось сдержать свой язык, отчего вдруг почувствовал в себе неприятное ощущение перегоревшей, невостребованной мысли.

Но наивное и даже глупое предположение, что педагог глухой, да ещё и… дурак, не оправдалось:

– А у вас ещё неофициальный есть?.. – с секунду промолчав, и казалось, ещё выразительнее скорчив брезгливость мимики, с видом хищника оценивающего вдруг возникшую ситуацию, с великой надеждой цепляясь за последнюю, проплывающую мимо, «щепку» и страшно ругая себя за отчаянную глупость вопроса, спросил преподаватель.

– Нет, с чего взяли?.. Ещё никогда не было! А так разве бывает?.. – бодро и громко, весело улыбаясь, отчеканил студент.

– Ну, поехали дальше… – бросив пристальный холодный взгляд и ничего не ответив студенту, сказал человек в мун-

дире, сел за стол и продолжил, как ни в чём не бывало, свою лекцию.

Однако во всём этом и заключался самый красноречивый ответ, какой никогда не выразить никакими словами. Каждое, даже самое незначительное движение мимической детали в лице его, и всякое едва уловимое движение мундира и всего остального вместе взятого, что и называют «невербальным языком общения», во всю свою мощь «невербального горла» кричало, что в этот момент он словно «вздохнул с облегчением». Как будто всё это время терзающая его ноша ответственности, наконец, была сброшена, словно скинул с себя какой-то тяжёлый и совершенно не нужный ему груз – гнетущее бремя, которое он нёс ради кого-то, но только не для себя. И в то же время, неожиданный беззвучный ответ педагога, казалось, давал понять, что пред мысленным его взором вдруг раскрылся давно заведённый им список, в нём тут же нашлась нужная фамилия, напротив которой, хладнокровно, без сожаления, раз и навсегда был поставлен жирный-прежирный крест…

Так Алекс познакомился с Грецким. Знакомство вышло хорошо, и надолго отпечаталось в памяти в виде яркого образа – устойчивого стереотипа – «ярлыка». Именно с тех самых пор – то есть с самого первого дня – и не заладилось. Месть преподавателя как в дальнейшем выяснилось, была долгой, мучительной и непримиримой…

Прошло всего пару лет, а нынешний Грецкий уже не тот

худощавый, «зелёный» гусар-педагог в мундире, а расчётливый, всё видящий и всё знающий, много понимающий, в строгом деловом костюме, гладковыбритый деятель педагогических и филологических наук…, но «ярлык» на Алексе так и остался висеть. «Официальный диалог» вёлся теперь со всеми, со всеми преподаватель был «на дружеской ноге», но только не со старостой.

Итак, возвращаясь в аудиторию, где группа слушала лекцию по журналистскому мастерству: Грецкий, не придавая серьёзного значения записке Алекса, продолжал лекцию, Алекс, не обращая внимания на лекцию Грецкого, дописывал записку. А в записке – изобразив на лице злорадную улыбку и покраснев от силы мыслительных процессов – всех, со страшным сарказмом, ругал за «неправедность мыслей». После чего скомкал исписанный листок, дождался, когда преподаватель повернулся спиной, беззвучно встал и, замахнувшись, бросил записку на первую парту – прямо в руки Изольды.

Изучив реакцию группы на свою же короткую запись, Изольда, медленно развернулась, снисходительной иронией, почти с усмешкой, посмотрела на Алекса, и, не выразив более ни одной эмоции, покрутила пальцем у виска.

Алекс был доволен и погрузился в тетрадь, увлечённо продолжая свои «изобразительные искусства», которых становилось всё больше, а полезного текста лекций всё меньше. Случись тетрадям Алекса, спустя сотни лет, оказаться под

землёй и попасться археологам будущего – учёные забьют тревогу. Сенсация облетит весь мир. Будут собирать совещания, консилиумы, организовывать кружки и неформальные встречи. Будут обсуждать проблему в долгих онлайн-дискуссиях за чашкой чая или споря в курилке, выступать на конференциях с толстыми многочасовыми докладами в портативных устройствах вшитых в мозг. С громкими заголовками писать статьи в научные издания – системы «психических энергий» коллективного сознания человечества. Будут пересмотрены многие фундаментальные представления о мире, о зарождении человечества, о его развитии, о роли письма, искусства и вообще всей интеллектуальной деятельности в истории человеческой цивилизации… Открытие станет притчей во языцех – ведь налицо явный феномен: обратная эволюция письма к первобытным символам-рисункам.

Каждый раз, когда неминуемо наступал страшный день отчёта – сессия, Алекс огорчался, открывая свои лекционные тетради и видя в них: разрозненные фрагменты непонятных фраз; бесполезные рисунки; отстранённые от темы лекций бестолковые переписки, и всё что угодно, но только не полноценные, чистым и понятным подчерком записанные конспекты. Но горечь разочарования длилась недолго: тетради тут же закрывались, куда-то бросались, и Алекс обращался к своему «спасителю» – Тристану, веря в его непоколебимую надёжность, что, кстати, всегда оправдывалось – готов он был абсолютно! В каких только видах не было у него

шпаргалок – и распечатанных с четвёртым шрифтом и с пятым, и обрезанных и в целых листах, и разложенных по порядку и пронумерованных по билетам, и: «Я нашёл такую гениальную вещь – маленький беспроводной наушник, связанный с телефоном – кто-нибудь стоит за дверью и диктует тебе, а ты записываешь и сдаёшь! Самая надёжная штука! В домашних условиях легко можно изготовить, только вот материалы дорогие…». Если бы кто учредил специальную премию «Шпаргалки» – Тристан бы брал в ней первые места.

Первая пара по журналистскому мастерству благополучно близилась к завершению. По обыкновению своему лекция начиналась, как говорится гладью, а заканчивалась…, у кого рисунками, у кого полным абстрагированием от действительности и уходом в мир мечтательных иллюзий и фантазий, у кого жаркой дискуссией, в которую были вовлечены все и, которая, в виду присутствующего преподавателя, вынуждена была обратиться в переписку, вечной темой которой, в этой группе, становился «вопрос»: «Все валим с последней пары!».

– Да, совсем забыл, пару слов о том, как организуем наши занятия… – закончив лекцию и немного помолчав, вдруг вспомнил Грецкий. – Конечно, будут лекции…, всё как обычно, а вот на семинарах…, давайте обсудим: есть два варианта, либо будете по классической схеме готовится: со всякими выступлениями там и прочее…, то есть как обычно книжки переписывать – бумагу зря марать…, либо!..

давайте, может, уже практикой займёмся?!.. будем уже пробовать писать что-нибудь – руку набивать будем… – опыта набираться, пора уже…, будем вместе обсуждать их…, анализировать…, осваивать новые жанры… – будем учиться!.. Ну что?.. Поддерживаете второй вариант?.. Будем писать?.. – обратился преподаватель к студентам, словно крикнул в колодец, в котором вдруг не прозвучало эхо. – Не слышу! Спите что ли ещё?..

– Да-ва-й-те… – тихо, растягивая и почти по слогам, словно только разбудили и заставили говорить, отозвалась с первой парты Изольда.

– Поддерживаем… – проговорили Рок и Комикс-Мен.

– Да… – осторожно ответила Эли Карамзина.

– Да, да! Конечно! – отвлекаясь от тетради, синхронно ответили Тристан и Алекс.

– Мы подумаем!.. Ха-ха-ха!.. – с артистично-кокетливым жеманством, шутила Перуджа.

– Мы и так уже пишем вовсю! И рука давно набита!.. – заглушая всех остальных, грозно, с вызовом, глядя в упор, отчеканила Белла Шторм и мысленно добавила: – И нечего нас учить!..

– А!.. Ну так…, и бояться нечего, профессионалы уже!.. А я-то думал, возиться с вами придётся!.. Ну, что ж…, отлично тогда!.. И вам с «набитой рукой» легко будет и мне «не хворать» с вами… Тогда значит договорились!.. Выберем несколько популярных жанров…, и каждый пусть напи-

шет по материалу… И сделаем так, что это и будет у нас «зачётом»…, то есть: кто справится со всеми жанрами…, кто сдаст мне все работы – тот «автоматом» заслуженно и получит по баш… по зачётке… А теорию вызубрим уже к экзамену…, то есть на следующем курсе. Всё значит…, отлично…, с этим разобрались, – продолжая расхаживать по аудитории, потирал руки преподаватель, затем о чём-то задумался, что-то видимо вспомнил – сел за преподавательский стол – записал это в свою рабочую тетрадь, после чего вновь задумался, вновь что-то вспомнил – и посоветовал студентам литературу по типологии жанров журналистских материалов: «знаю, что всё знаете, но, так на всякий случай, посмотрите», здесь он снова о чём-то задумался, но ничего не вспомнил, встал и, как прежде, продолжил расхаживать по аудитории и говорить: – Давайте тогда уже – раз рука, говорите, давно набита – к следующему занятию… – через неделю, наверное, оно будет – что-нибудь и напишем!.. Полную свободу даю в выборе тем! Сами решайте, что взять: о чём хотите написать, о том и пишите!.. Только давайте, сейчас скажите, кто о чём будет писать – я у себя отмечу…, кто какую тему выбрал…, так просто – для себя, может и помогу чем…

В аудитории воцарилась тишина: студенты, усердно напрягая мышцы лица, думали.

– Да, да, конечно! Подумайте!.. И скажите… – понимающе отозвался преподаватель, увидев колоссальное напряжение студенческих умов.

– Ой, вы так неожиданно прям… Такое предложение… Ха-ха-ха!.. Я даже не знаю…, мне нужно время, чтобы всё обдумать… – думала и шутила Перуджа.

– Да! У меня вот тоже не думается… – погнал волну Алекс.

– И у меня, кстати, такая же проблема… – поддержал Тристан.

– Давайте мы просто к следующей паре принесём готовые статьи, тогда и запишете… – посоветовал Рок.

– Ага… – озадаченно проговорил Грецкий. – Всё с вами ясно… Да ведь вы же ничего не подготовите… Снова пустые придёте. Нет, так дело не пойдёт… Нужно уже сейчас с чем-нибудь определиться…, чтобы знать, что с вас требовать…, а то вы так и будете, до самого зачёта, ходить и думать…

– Может, тогда вы сами темы предложите? А мы либо ваши подготовим, либо потом свои придумаем… – предложил Алекс.

– Ну, уж!.. Я-то конечно темы дам!.. На крайний случай оставил… Вы же говорите – профессионалы уже…, сами всё пишете… – негодующе и раздосадовано, почти с выражением обиды на лице, ответил преподаватель.

– Мы вдвоём напишем про диеты, – вдруг перебила Грецкого Белла, указывая на Изольду.

– Как это «мы вдвоём»? В соавторстве что ли?.. – не понимал Грецкий.

– Да, в соавторстве… – сдерживая натиск бурь, отвечала

Белла.

– А как я узнаю, кто из вас автор чего?..

– Не беспокойтесь, – мягко прошептала Изольда.

– Пометите тогда как-нибудь… Ладно…, давайте, пишите вместе… – сдался, наконец, Грецкий, покорно кивая головой. – Так, с вами разобрались значит…, дальше пойдём. С тобой что? Не надумала?.. Давай возьми тему здравоза… здравоза… да что такое!.. язык не поворачивается уже… – здравоохранения…, если сможешь…, попробуй что-нибудь, – предложил педагог, указав на Эли.

Тут же грозный перст, сложенной в пистолет, преподавательской кисти повернулся к следующей «жертве», но поднятые руки её не спасли, кисть изобразила выстрел и Перудже досталась культура. Затем, совершив в воздухе мёртвую петлю, указательный палец педагога снова развернулся, и поднимать тему образования выпало Алексу.

– Ну, армия у нас закрытое «ведомство», туда не впустят…, а если впустят, то не выпустят – разве, что через год. В «места не столь отдалённые», даже если и разрешат, близко не подходить – зайдёте и точно не выйдете. В «эпицентры труда» вас тоже не отправлю, там и так… «страда» – во всю урожай собирают, ни с кем не желают общаться…, разве что официальную статистику сплавят в официальные каналы, да и отделаются сим. Занятость там у них зашкаливает, лучше их не отвлекать… Есть проблема в ЖКХ, кто найдёт её причины?.. – веселился педагог, но, недолго ду-

мая, быстро нашёл очередную «мишень» и выстрел пришёлся на Комикс-Мена: – Давай вот ты попробуешь!..

Но преподаватель (видимо только из отпуска) «промазал» и студент заговорил:

– А что такое «жэхэка»?.. Может, я лучше про «ЖЖ» напишу?..

– «Живой журнал» что ли?

– Да, он самый…

– Ладно, бери «ЖЖ»… Ну, тогда ты возьми ЖКХ… – дуло указующего перста направилось на Тристана, но и здесь оказалось мимо:

– Я, пожалуй, подготовлю что-нибудь об индустрии компьютерных игр. Может, обзор новинок сделаю…

– Отчего ЖКХ брать никто не хочет?.. – недоумевал Грецкий.

– Звучит страшно! Тема нечистая… – отозвался Алекс.

– Вот и хорошо!.. Сложная тема – ценного опыта наберётесь… Ну давай Рок, за тобой закрепим что ли, возьмёшь? – и направил перст в самую лёгкую и удобную «цель».

– Давайте…, но, скорее всего, свою тему найду.

– Ну, вот и отлично! Разобрались со всеми… Только к следующему занятию обязательно уже что-нибудь несите…, будем разбирать. И, кстати, запомните: до конца года будем работать в таком вот формате…, то есть будем чередовать: одно занятие – лекция, следующее будет семинар, и так далее лекция-семинар, лекция-семинар… Так…, ну и всё, по-

жалуй… Вроде бы всё сказал…, всё задал…, обо всём вроде бы… до-го-во-ри-лись… – заканчивал преподаватель лекцию и посмотрел на свои часы – до звонка на перемену было ещё минут пять. – Подождите, подождите! Куда собрались? Пять минут ещё!.. А то щас выйдете, шуметь будете…, сидите пока.

Студенты вновь расселись. Прокатилась волна недовольных вздохов. Выражение на лице Беллы с «Врёшь!» сменилось на что-то непечатное.

Но Грецкий не обращал внимания, вспомнил о компакт-диске Рока, подошёл, посмотрел и со словами: «Ага, щас в компьютерном зале послушаем», положил во внутренний карман пиджака. Кроме «педагогической картины» Грецкий составлял ещё и музыкальную, но очень специфическую в стиле какого-то раздела поднаправления в модном направлении рок-музыки.

– А ты куда?.. – спросил Алекс у Тристана, увидев, что он совсем уже собрался уходить.

– Дела накопились, идти надо…

– Киноактрис снимать?..

– Ну и это тоже… – не меняясь в лице, серьёзно отвечал Тристан.

– Когда появишься-то?..

– Не знаю, как дела решатся – через неделю может…, а может и завтра уже…

Секундная стрелка настенных часов вновь отмерила се-

кунду – замерла на «12», и, к великой радости студентов, раздался, наконец, звонок на перемену…

– Всем удачи с заданием, пока! – попрощался Грецкий и прибавил, обращаясь к готам: – Пойдём, послушаем…

– Давно пора… – ломая оковы льда и пробуждаясь из царства вечного сна и холода, тихо проговорила Изольда и помахала ручкой, вслед ушедшему преподавателю.

– Вот блин! Всегда так! Обязательно надо до звонка продержать! – срываясь с места и активно жестикулируя, бушевала Белла, и, демонстрируя навыки актёрского мастерства, продолжала: – Скачал из Инета Рэндалла и рассказывает, как будто своё!.. Тоже мне лекция, я тоже могу так вести: «Хорошие журналисты бросают вызов рутине… Они ненавидят материалы, написанные по схеме…». Блин! Как будто мы сами не можем скачать… Надо было переться сюда через весь город, чтобы слушать эти… «пересказания»… Не умеет он лекции вести!.. Никогда больше не приду на его пары – время только впустую тратить!.. – изливаясь эмоциями и постепенно утихая, Белла вновь присела на своё место.

– Ха-ха-ха!.. – наслаждаясь театром одного актёра, заливалась краснощёкая Перуджа.

– На семинары-то придётся ходить, никуда не денешься, – послышалось с первой парты.

– Ну, семинары другое дело, я про лекции говорю, – ответила Белла.

– А я вот думаю, что лекции здесь совсем не причём…,

всё он толково и со своим смыслом ведёт, а дело всё в том, что ты просто завидуешь… – наблюдая за спектаклем и периодически что-то записывая в журнал, решил высказаться Алекс, совершенно бесцельно, только лишь для того чтобы – специально наперекор – что-то ей сказать.

– Чё дурак?! И с чего мне ему завидовать?! – неожиданно просияв солнцем, с видом предвкушения долгой интересной дискуссии о спорном вопросе, ввязалась в диалог Белла.

– Не ему, а ей… – все трое приковались вниманием, а Эли в этот момент вышла в буфет. – Завидуешь тому, что преподаватель…, самым откровеннейшим образом, заигрывает не с тобой, и, насколько мне это видно, даже не пытается делать этого, а заигрывает преподаватель, ну, это как обычно – с первой партой… и вообще всё внимание своё он уделяет, не тебе и даже не нам, а всё ей же – одной единственной первой парте…

– Ха-ха-ха!.. – энергично прыснула «кровь с молоком».

– Точно ненормальный, – донеслось с первой парты, вероятно растаявшее от солнца Беллы – с жеманной усмешкой призванной подтвердить абсурдность слов Алекса, – Сидит там позади всех, чего-то себе выдумывает…

– С последних парт видно всё как на ладони, это ошибка думать, что здесь все спят – всё видно идеально, как в кинотеатре, – пытался выдумывать Алекс в надежде доказать свою гипотезу и спокойно с уверенностью на серьёзном лице продолжал: – А по поводу «дурака»…, на самом деле я,

если честно, самый умный человек, в этой группе… Просто пока не довелось, в полной мере, проявить свой… незаурядный ум. Придёт время и об этом узнают все… А то, что я уже проявил вам не понять в силу ваших интеллектуальных ограничений. Преподавателям же останется лишь локти кусать, что любили свою первую парту…

– Заурядный! Ха-ха-ха!.. – проникаясь сарказмом Алекса, смеялась краснощёкая, пышногрудая – «кровь с молоком».

– Да куда уж нам… – иронизировала Изольда, и, тут же подхватив, в один голос вместе с – неожиданно долго сияющей – Беллой произнесли: – «Незаурядный» ты наш!..

– И когда же придёт это твоё время?.. – предчувствуя угрозу, донеслось с первой парты.

– Не знаю…, когда-нибудь уж придёт – всё тайное обязательно станет явным…, иначе просто не бывает. Это постигнутая мною скрытая тайна мироздания…, даже не пытайтесь понять – у вас не получится – ибо вам не дано…, на это способен только – о! великий я сам!.. – шутил Алекс, чувствуя, что палка начинает перегибаться…

– От скромности не умрёшь! Ха-ха-ха!.. – заметила Перуджа.

Ясное солнце помутилось лёгкой дымкой облачных образований:

– Может, это ты сам завидуешь? – задетая колкой правдой Белла, пользуясь удобным моментом, желала мщения.

– Ха-ха-ха!.. Что не с ним заигрывают! Ха-ха-ха!.. Не сме-

шите мои копыта!.. – активная деятельность всех жизненных процессов зашкаливала.

– Не надо завидовать мне Алекс, здесь тоже не так сладко как кажется тебе там сзади, – подзудила первая парта.

– А вообще…, если кто и имеет право возмущаться преподом и его дилетантскими методами в работе, так это я…, – шутя, ушёл Алекс от ответа, продолжая что-то периодически записывать, – только я один имею на это полное и обоснованное право…

– Ну, давай обосновывай своё право, мы ждём, – лёгкая дымка сгущалась в тучу, и выражала недовольство затянувшейся паузой.

– Хи-хи… – удерживаясь от смеха, ожидала продолжения Перуджа.

– Щас…, надо же приготовиться перед речью, мыслями собраться…

– Не мыслями, а с мыслями! Говори правильно, – сверкнула молния Беллы.

– Ты как хочешь, а я мыслями… Итак, значит вот…, в прошлом году помните, сдавали «Историю театра и кино»?..

– Нет!.. – раздался гром.

– А я очень хорошо помню…

– Давай говори уже!.. – сверкнула вторая.

– Не перебивай… Так вот…, сдавали «Историю театра и кино»… Я, как обычный студент, целый день сидел в биб-

лиотеке…

– Ненормальный! Ха-ха-ха!..

– Ну, просто ради эксперимента…, посмотреть, что из этого выйдет…, надо же испытать себя, почувствовать свой незаурядный потенциал…, это же интересно!.. – оправдывался Алекс.

– Ха-ха-ха!.. Суд присяжных признал тебя виновным в подготовке к экзамену! Ха-ха-ха!..

– …Добросовестно, хоть и впервые в жизни, честно готовился к экзамену – если бы кто сказал, никогда бы не поверил, что это так увлекательно, хотя, наверное, от самого предмета зависит. Так вот: целый день – только представьте! – с утра до позднего вечера, впервые в жизни – честно! – просидел в библиотеке…

– Вот делать нечего… – донеслось с первой парты.

– …Да! Это уж я потом понял, что есть другие методы воздействия на педагогическую психику, гораздо эффективные… Например: демонстративное чтение книжек Голдинга, или там какого-нибудь Филдинга…, да?.. и чтоб обязательно препод это заметил и обязательно при этом сказал: «О! Молодец! Умные книжки читаешь. Респект!». Так ведь, да?.. А на последнюю парту лишь пустой и беглый презрительный взгляд: «Эх ты бездарь! Бери пример с первой парты!»…

– Вот теперь я уверена, что ты сам и завидуешь! Хи-хи… – вставила Белла и просияла довольной улыбкой.

– …А я не выспался…, с утра припёрся в универ!.. Честную! «отл» хотел заработать…, а не посредством – условных рефлексов «преподавателя Павлова»… И представьте, что было дальше… – апофеоз несправедливости!.. – Алекс набирал речевые обороты, небо прояснилось, притча увлекла. – Я просто в шоке сидел! Никогда такого не видел. Видели когда-нибудь трутня возле пчелы?..

– Нет, не видели. В том смысле, в каком ты имеешь в виду – не бывает в природе, – со знанием вопроса пояснила Белла, продолжая сиять.

– Да как же не бывает? Ну, шмеля видели… – хмурясь, пытался объяснить Алекс, но не знал как.

– Ха-ха-ха!..

– Так тоже не бывает. Поняли мы твою аллюзию. Дальше, давай!.. – торопила увлечённая Белла.

– Аллюзию?.. – тормозил речевые обороты Алекс.

– Ты Голдинга не читаешь, тебе не понять! – торжественно донеслось с первой парты.

– Ну и ладно… Так вот! Преподаватель и первая парта… Во-первых, я это сразу заметил – я то готовился – первой парте, каким-то чудесным образом, попался вдруг самый лёгкий билет. Но!.. Вдруг случившееся чудо – не помогло!.. Ответ с первой парты оказался так себе…, я бы даже сказал на «удов». А Грецкий: «Ну – говорит – хорошо, на 4 ты ответила. Давай – говорит – ещё вопросы задам, чтоб 5 поставить». И задаёт… – и просто ужас какой-то, что он

задаёт?.. непостижимо уму моему здравому – …задаёт наипростейший вопрос: где произошла встреча Станиславского с Немировичем-Данченко?.. Вот если бы он спросил: зачем они там встречались и что стало результатом этой встречи, это был бы хороший вопрос… До сих пор забыть не могу…, так и маячит эта сцена перед глазами. Он задаёт – она не знает. Пятёрка срывается… Грецкий – угрюм, задумчив – ищет новый вопрос…, ничего подходящего найти не может. Сама первая парта уже сдалась: «Ну – говорит – ставьте мне 4»…, а он: «Нет! Я – говорит – знаю, что ты умная, тебе нельзя 4. Давай – говорит – на 5!». Мучаются дальше… Грецкий всё старается, всё тянет – не сдаётся. Верит в ум студента первой парты!.. А я уже успел расписать свой билет…, сижу и наблюдаю за сценой… – глазам не верю… В итоге всё-таки намучили «отл» в зачётку первой парты. Ну, это – слава Богу, Грецкому и, конечно, Голдингу… Далее пришла моя очередь…, и у меня чуть язык не обмер…

– «Удов»?.. – лучезарно просияла Белла.

– Все в тот день получили «отлы». Вопрос лишь в том, что кто-то заслужено…, честно заработал, а кто-то… «купил», – накрылся тучей Алекс.

– Что за бред! Никто не покупал! Тебе просто не повезло… – бывает…, смирись. А я честно «завоевала»!.. Хи-хи. Своей тактикой… – как же без этого?.. Да ты вообще маньяк! Как можно помнить такие мелочи?.. – окончательно выбралась из царства вечных льдов разоблачённая Изольда.

– Мелочи?! На всю жизнь запомнилась мне эта «мелочь»!.. «Мелочь» до сих пор в моём сердце… болит!.. Забыть не могу!..

– Бедняжка! Ха-ха-ха!.. – продолжала радоваться Перуджа.

– И вот, значит, я ему отвечаю на свой билет, помню даже, как он назывался: «идейно-смысловое значение фильма «Броненосец «Котёнкин» и его роль в истории мирового кинематографа» – самый сложный билет…

– «Незаурядный»! Ха-ха-ха!..

– …Всё, что знаю по вопросам, рассказываю, заканчиваю и ожидаю – смотрю на его реакцию. И он, скептически-сомнительно скорчив мину, вдруг заявляет мне: «Да, вроде, есть новая информация, я такую не давал». Ещё бы!.. Преподаватели не сидят с утра в библиотеке! А потом… – представьте: я самый последний, все до меня ушли с «отлами» в зачётках… – он спрашивает: «Ну что „отлично“, что ли тебе ставить? Или всё-таки „хорошо“ пойдёт?». И это после того как я наблюдал: «долгий подъём со дна, затонувшего корабля» – студент окончательно застрял на дне, а он – не преминул воспользоваться моментом – тянет и… заигрывает, заигрывает и тянет. А я сижу и наблюдаю, сижу и…

– Да хватит уже, а? Бред какой-то! Не так всё было! – пыталась Изольда закрыть рот правде.

– Подожди, подожди!.. Пусть рассказывает – сияла Белла.

– Да чё его слушать? Ни слова правды!..

– Зато интересно…, хи-хи…, выдумывает…

– Я не выдумываю! Я правду говорю!.. – с лицом человека, которому не верят, заявил Алекс, отрываясь от журнала.

– Ладно, ладно…, дальше давай! – продолжала торопить лучезарная Белла.

– …Смотрю и просто поражаюсь, с последней парты и то видно: человек явно нисколько не готов…, не сидел с утра в библиотеке… А Грецкий – всё тянет и тянет, тянет и тянет…, уже с последней парты видно, что вытянуть не сможет…, а он всё заигрывает и тянет, заигрывает и тянет. Отстать не может и не хочет ставить своей первой парте – «хор»… И вот, после всего этого, он задаётся вопросом: «А может „хорошо“ тебе поставить?..». А!.. Мне!.. Кто сидел с утра в библиотеке! Кто штудировал литературу по театрам и кино! Мне единственному! – кто когда-либо просидел в библиотеке с утра до вечера ради экзамена!.. И вдруг вопрос: «хор» или «отл»!..

– И что ты ответил?.. – сияло солнце на лице Беллы.

– Не важно, что я ответил! Важно здесь совсем другое… Важно то, что преподаватель не видит истинного лица студента. Преподаватель в заблуждении!.. Он заблудился в стереотипах!.. Ему нужны новые условные рефлексы. Новые эксперименты! Опыты!.. Преподаватель продолжает считать, что все отличники сидят на первых партах. Нет! Это не так!.. Это, уже совсем, далеко не так!.. – с серьёзнейшим выражением на раскрасневшемся от пламенной речи

лице, оживлённо жестикулируя и отрицательно грозя пальцем, смотря при этом на – еле сдерживающуюся от смеха и изо всех сил пытающуюся сохранить серьёзное выражение внимательности на лице – Перуджу, и, случайно – както не сознательно, а скорее подсознательно – обернувшись на мгновение в окно продолжал: – Настоящие отличники уже давно пересели на последние парты! Отсюда вид лучше…, на преподавателя, прежде всего…, отсюда его видно целиком… и суть его слов формируется в голове цельнее и… яснее. Да, мы уже здесь! Мы неотличники!.. Но нас не замечают! Мы здесь, а нас не видят!.. – вот что обидно, вот что возмущает! В нас не верят! Нас заярлычили! Заклеймили! Несправедливость!.. – кипел Алекс.

– Ха-ха-ха!.. Отпускаем тебе грехи, Алекс! Хорошая исповедь. Ха-ха-ха!.. – не удержалась Перуджа.

– Правдивая!.. – хихикнула Белла.

– Ха-ха-ха!.. Держите меня семеро!.. Ха-ха-ха!..

– Надорвутся… – осторожно заметил Алекс, раздосадованный общим смехом…

– Что?!.. Что ты сказал?! – грозно ударив кулаком по парте, рассвирепела Перуджа, медленно поднялась, и, с глазами, выражавшими крайнюю степень ярости и обиды, стала подходить всё ближе и ближе к Алексу.

– Что я сказал?.. А…, что я сказал?.. Я говорю: зачем же семеро?.. лёгкий ветерок сдует пушинку…

– Чего?! Куда сдует?! Я что сказала?! – Несите?! Я сказа-

ла, держите! И какая я тебе пушинка?! – свирепствовала Перуджа, пытаясь удерживать прежнюю ярость в глазах и властность в голосе, но всё же не удержалась и растаяла: – Дурашка…, я с тобой ещё поговорю, – растрепав «причёску» Алекса, вернулась Перуджа на своё место и в своё весёлое расположение духа.

– Ну, так где встречались Данченко со Станиславским? – лучезарный лик Беллы сиял полярным солнцем.

– На славянском базаре они встречались, Белла! На славянском базаре!.. Это же все знают, – ответил Алекс и продолжил: – И…, так вот…, перебили меня…, основная идея того, что я хотел сказать: если возмущаться Грецким, то у меня на это больше оснований чем у кого бы то ни было среди нас, и, тем не менее, я даже не думаю это как-то показывать…

– Вот и не думай! Кто тебя спрашивает?.. А мы будем!.. – сверкнула вдруг молния с ясного неба Беллы.

– Да!.. Ха-ха-ха!.. – треснув по парте кулаком, громко воскликнула Перуджа и расхохоталась.

– Га-га-га!.. – громко и неестественно рассмеялся Алекс, смотря на Перуджу, чьё выражение на лице из довольного постепенно переходило в крайне недовольное, – Эхе…, хе-хе… – уже естественным смехом, оттого что стрела попала в цель, а ещё больше самим видимым процессом перемены настроения, смеялся Алекс.

– Щас достану из сумочки топорик, будешь знать, как пе-

редразниваться, – угрожала Перуджа, с прежним неудовольствием на лице.

– Вот с кем я учусь в одной группе!.. Знали бы преподаватели, кого на самом деле следует отправлять в немилость… – пошутил Алекс, и вновь увлёкся переписыванием, не обращая внимания на дальнейшие диалоги о сумочках и компактных топориках.

В это время, сидящая на первой парте Изольда, нанеся мастерский штрих коварной улыбки на свой сияющий лик, устремила взгляд в аудиторию и медленно потянулась к сумке. С кошачьим изяществом – медленно и бесшумно – рука её прокралась в сумку, и крепко схватив там какой-то предмет, также размеренно – украдкой – стала его медленно вынимать…

Все остальные студенты продолжали заниматься своими делами и ни о чём даже не подозревали.

И вот рука Изольды выбралась из сумки: жилистая, ухоженная кисть крепкой руки её сжимала – «кирпич». Хладнокровно устремив пристальный взгляд больших синих глаз в беззащитного, ничего не подозревающего Алекса, Изольда, чувствуя тяжесть предмета, с ледяным спокойствием подняла «кирпич» чуть выше своей головы, замерла, сделала глубокий вдох, на мгновение усилила коварность улыбки, и с силой грохнула «кирпич»… об парту. Все встрепенулись, прервали разговоры, Алекс вздрогнул и устремил испуганный взгляд на первую парту.

– О, Господи! Ты чего? До инфаркта же доведёшь! Ха-ха-ха!.. – рассмешил Перуджу неожиданный поступок Изольды.

Все остальные находились в испуге, безмолвствовали, внимательно и усердно взирая на загадочный «кирпич». На «кирпиче» в две строчки была короткая надпись: «Холодный дом. Чарльз Диккенс».

– Тяжёлую артиллерию решила привлечь? Для гарантированного успеха?.. Грецкий же тебя боготворить начнёт. Все экзамены и зачёты – «автоматом», без единой статьи!.. – придя в себя, видя, что ничего более не угрожает, дежурно отшутился Алекс.

– Уйди, ради Бога, а… – отгораживаясь ладонью, неторопливо произнесла Изольда и, взглянув на книгу, улыбнулась.

В этот момент раздался звонок на пару…

Лекция вторая:
«Литература XX века»

Звонок прозвенел и пару минут спустя, в дверях всё той же аудитории №8 показался преподаватель.

Преподавателем была хрупкая и утончённая молодая женщина в возрасте: «где-то за 20 и до 40». Есть люди – как подметил один писатель – над фигурой, которых природа особо не трудилась, а поработала грубо – топором да кувалдой, но в случае с этим человеком природа вытачивала особый образ со всей возможной ответственностью. Работая с максимальной осторожностью, кропотливо и аккуратно: природа была здесь, словно мастером ювелирных дел и работала над внешностью специальными самыми тонкими инструментами и точными приборами. Прототип всех женщин создан из кости, но здесь было особенно – в буквальном смысле слова – утончённое произведение искусства: фигурка, с большим изяществом и мастерством, выточенная из дорогой слоновой кости – женское «благородное начало» здесь проявилось с очень заметной выразительностью. По миниатюрным и аккуратным чертам её лица можно было сделать верное предположение, что человек этот занимается либо классическим музыкальным искусством, либо изобразительным творчеством, либо художественной литературой.

Хрупкая и утончённая Ювелирная Иоанновна была пре-

подавателем художественной литературы, и, вместе с тем, являлась на факультете самым главным человеком – деканом. Сильный начальник в утончённой внешности вселял в Алекса какое-то особенное почтение к её персоне, какой-то страх, трепет – священный ужас. Превращался он перед ней в самого среднестатистического студента с очень скрытой незаурядностью ума. Причиной этому служило то, что однажды сам Алекс повесил на преподавателя свой «ярлык» и как он не пытался в дальнейшем снять его, ничего не получалось – от первого и до последнего курса испытывал он перед преподавателем-деканом сильное волнение. А всё оттого, что однажды, на первом курсе, ещё до знакомства с деканом, Алекс сидел на паре и слушал «Культурологию»:

Лекцию по предмету вёл специально приглашённый – вероятно из какого-то очень престижного, может быть государственного, вуза – преподаватель Болтунский. Фамилия была говорящая: Болтунский болтал – хорошо и много – но совершенно не по теме. Вместо того чтобы светить в студенческую тьму историей Древнего Рима, Болтунский страшно чернил и без того тёмную массу. Масса узнавала много нового, но не о свете культурных ценностей древнего мира, а о собственной тьме – и культурной, и интеллектуальной, и многих других аспектах своей – как выяснилось по Болтунскому – тёмной жизни.

– Да, не все студенты обладают выдающимися способностями и скрытой незаурядностью ума, на то они и студенты –

желторотые птенцы, жадно глотающие из уст преподавателей – стремятся, наконец, выйти из тьмы неведения в свет знаний. Да, не все стремятся – наверное, для этого и надо светить – искать во тьме именно тех – проголодавшихся по свету. Но только голодные птенцы открыли рты, и тут же вместо пищи – уста плюют нечистоту!.. Вместо нормальной пригодной еды им дают камни, и не просто дают, а кидают! Как же вырастить птенцов и вывести их в свет… – ведь болтает не по теме?!.. Мы платим за освещение тьмы, а он не по теме!.. – нельзя исключать, что некоторая часть этих мыслей действительно родилась в тёмном сознании первокурсника, и, ударив кулаком по парте, он вслух воскликнул:

– Нужно накатать заяву!

– На кого?.. – удивились рядом сидящие.

– На Болтунского!.. Сам виноват!.. Ему зарплату, а нам… не по теме – шиш, как говорится!.. Может быть и да: нам до нобелевской – как эскимосу до крыши небоскрёба! Но зачем же в лицо нам об этом «плевать»?.. Мы это и так знаем, лучше бы план небоскрёба нам дал… – знания – как лезть на крышу… Надо попросить в заяве, чтобы препода на другого поменяли. Можно так сделать, я знаю! Это же демократия, капитализм…, или как там её…, в общем – наша тема в наших руках!.. Поехали?..

– Эскимосу на крышу небоскрёба?.. Зачем? – вдруг раздался неожиданно серьёзный вопрос.

– Эк… Чтобы крикнуть: «Олени!.. Где олени?!»…,

не знаю я, спроси у Болтунского… – запнувшись сложностью вопроса, попытался ответить Алекс.

«Накатав заяву» и «снарядив экспедицию» в деканат, студенты пошли «изъявлять» свои требования высшему начальству факультета.

По счастливой для студентов случайности, главы факультета не оказалось на месте, а, кроме того, все официальные обращения студентов должны были проходить через методистов – сидевшие как раз, тут же, по пути к кабинету декана. Остановленные в методическом отделе, студенты объяснили суть дела.

– Жалобу на Болтунского?! – с ужасом на хмуром лице взирала методист в – не виданную доселе – «накатанную заяву» на преподавателя.

– Нам подписи поставить?.. – спросил довольный ходом дела Алекс.

– Нет… Не надо… – после продолжительной задумчивой паузы ответила методист – возможно спасая тем самым студентов от неминуемой разъяснительной беседы тет-а-тет с деканом – и продолжила: – Я сначала поговорю с ней…, как быть и что с этим делать, а потом если что обратимся к вам… – и, переведя взгляд с бумажки на студентов, вдруг, с расстановкой, проговорила: – Я вас запомнила. Просто скажу, что приходили первокурсники.

Довольные, вдруг возымевшим успех, делом, студенты торжествовали.

На следующий день расписание первокурсников «украсилось» объявлением с заметной для всех надписью: «Всем студентам первого курса в 14:00 подойти в аудиторию №2». Аудитория эта была самой большой на факультете и располагалась ближе всех к деканату. Но символа никто не понял, никто не догадался, что встреча будет с самим деканом и что главная причина собрания – возымевшая «успех» – «челобитная» на преподавателя – очернителя студентов – специально приглашённого в вуз читать «Культурологию».

Начало встречи декана со студентами первого курса было спокойным и безобидным. Декан, вкратце и в общих чертах, рассказывала о факультете: его правилах и порядках, информационных и технических ресурсах и многое другое важное и полезное. Её утончённое и строгое лицо, уверенные манеры, сильная и грамотная речь сразу же глубоко впечатлили Алекса, а ещё большее потрясение испытал он, когда понял: на какую «до боли знакомую» тему, совершенно для него не заметно – мягко и гладко – перешёл вдруг декан.

– Буквально вчера вышла из отпуска. В хорошем рабочем настроении. Погода осенняя – такая солнечная, такая прекрасная, думаю: «как хорошо начался учебный сезон». Но тут меня «обрадовали» новостью: первому курсу не нравятся преподаватели, хотят, видите ли, других. И даже специальную «бумагу» подготовили. Приходили девушки с первого курса написали вот такую жалобу, – иронично рассказывала декан о событии и показывала «челобитную», брезг-

ливо держа её кончиками пальцев. В это время на самых последних партах в аудитории показалось небольшое движение:

– Девушки?.. – тихим шёпотом и смеясь, обратился один из участников «экспедиции в деканат» к Алексу.

– Это чтоб на нас не подумали – методисты спасли, всё нормально – так надо… – также шёпотом ответил Алекс и, впившись взглядом в строгое лицо декана, продолжал внимательно слушать.

– Какие могут быть жалобы господа-студенты?.. Какие заявления на преподавателей вы собрались писать?.. Родительское собрание! Вот что вам нужно…, за неуспеваемость…, а больше за не посещаемость! Хотите?.. Устроим!..

Студенческая тьма безмолвствовала. Бездыханное тело Алекса, скатывалось под парту.

– О, ужас! Она знает всё! Ей всё рассказали! Она знает – кто приходил с заявлением!.. Все смотрят на меня! Да! Ведь на меня все смотрят! Щас обязательно что-то скажут про меня…, уже готовятся… Все уже всё знают!.. – думал Алекс и всё ниже скользил под парту, видя, что и декан, и присутствующие здесь же методисты с серьёзными лицами смотрят – как ему казалось – на последние парты в его сторону.

– А написали то как!.. Курица лапой… Рука что ли дрожала?.. – продолжала декан сокрушительно-ироничную речь.

– У меня всегда такой почерк, – вдруг отозвался Алекс, но лишь мысленно.

– Ещё учиться не начали, а уже какие-то заявления вздумали писать. Что за курс?.. Просто беспрецедентное событие на факультете!.. – первый курс пишет заявление!.. Никогда ещё такого не было…, чтоб первокурсники!.. только пришли, а уже писать…

Декан говорила на протяжении целой пары. Говорила всё так же уверенно, внушительно и очень для Алекса впечатлительно. Затем, как и прежде, не заметно – мягко и плавно – отошла от темы «челобитной», коснулась многих других тем, также сильно и подробно отвечала на возникшие у студентов немногочисленные вопросы. Сильный начальник – Ювелирная Иоанновна – Преподаватель художественной литературы – Глава факультета – Декан – был налицо, утончённой индивидуальности.

– Ну что ж…, рада была познакомиться с вами, первый курс…, жаль только, что при таких обстоятельствах пришлось это сделать… Надеюсь, дальнейшее наше знакомство будет более приятным, – познакомившись со студентами, закончила декан собрание, оставив глубокое впечатление в памяти – по крайней мере – одного студента.

«Челобитная», тем не менее, имела некоторый успех. Вполне возможно, что состоялась индивидуальная встреча, и сильная, столь впечатляющая, речь декана оказала влияние и на культуролога. Потому как в дальнейшем, Болтунский хоть и входил в аудиторию с первокурсниками с дико выпученными глазами и брезгливой миной на лице – слов-

но входил в загаженную общественную уборную, и будто бы за партами сидели не студенты, а большие чёрные тараканы – но особенной излишней вольности в выборе тем за ним больше не замечалось. «Фонарик» культуролога хоть и тускло, но исправно светил в студенческую тьму.

Так Алекс познакомился с Деканом и «помог» Декану познакомиться со студентами первого курса. Дальнейшее знакомство было приятным.

Впечатления того дня запомнились надолго и сложились в яркий образ. С тех пор, каждый раз, при виде декана, а ещё больше при разговоре с ней, Алекс испытывал настолько сильный священный ужас, дрожь и особенное почтение, что обращался, словно в паровой котёл: чувствовал, как внутри всё закипало, волновалось и тревожилось, мысли от этого приходили в густое беспорядочное месиво, в глазах у него словно мутилось. Привести голову в порядок, и сосредоточится, не представлялось возможным: говорил он в эти моменты с большим трудом, а значения сказанного и вовсе не понимал. На экзаменах по литературе он, как правило, проваливался, но зачёты, каким-то чудом, сдавал.

Находясь в состоянии трепетного волнения Алекс, внимательно слушал лекцию о писателях XX века. В этот раз студенты знакомились с творчеством одного из самых ярких и известных представителей литературы прошлого века – и, может быть, самого «долгоиграющего» в сознании общества – Булгаковым. Слушали его биографию, что-то за-

писывали, что-то силились запомнить. Пытались понять, какую роль, какое значение и влияние оказало его творчество на литературу не только российскую, но и мировую. Вкратце – в общих плановых чертах, разбирая композицию, сюжет и фабулу – ознакомились с произведениями: «Бег», «Мастер и Маргарита», «Собачье сердце», «Кабала святош» сопровождаемые небольшими комментариями и объяснениями. Вопросов студенты не задавали. На вопросы преподавателя отвечали неумело, с поверхностным знанием рассматриваемого «предмета».

Лекция проходила всегда по определённому плану. На прошлом занятии, примерно в том же порядке и с тем же содержанием, изучали творчество Замятина с его антиутопией «Мы», в связи с которой отчасти коснулись и «1984» Оруэлла. А ещё, несколькими парами, раньше рассматривали: «Молох», «Гранатовый браслет», «Поединок» – Куприна. Все эти произведения рекомендовалось к ознакомлению, и что-нибудь задавалось к обязательному прочтению, но читали лишь некоторые студенческие единицы. В конце лекции было задано ознакомление с творчеством Платонова: «Чевенгур», «Котлован» и что-нибудь ещё на самостоятельный выбор студентов.

– Читайте, читайте студенты! Ведь это душа – эмоции и чувства, «плоть и кровь» – сама жизнь документального скелета нашей истории… Без понимания этого не будет высокой культуры…, без культуры придёт эпоха варварства,

а там уже и до гибели народов недалеко, – вразумляла Ювелирная Иоанновна – Преподаватель художественной литературы – Глава факультета – Декан студентов. А студенты – по крайне мере один из них – хоть даже иногда и пытались читать, но в целом, недопонимали значения литературы, находились в трепетном волнении, а в глазах их мутилось. Однако некоторая художественность в тетрадях всё же присутствовала.

– Звонок сейчас ведь должен быть, да?.. – глядя на часы, обратилась преподаватель к студентам, и мысленно добавила: «На нашем факультете». И действительно, пару секунд спустя, раздался вдруг звонок на перемену.

Студенты попрощались с преподавателем, и перешли в аудиторию №3.

Расселась группа примерно в том же порядке. На первой парте Снегурочка Изольда почитывала Диккенса, Белла с прежним выражением в лице: «Врёшь!», вероятно, думала о Грецком, Эли мечтательно грызла сухарики, Рок и Перуджа что-то обсуждали и громко смеялись, Комикс-Мен увлечённо рисовал. А Алекс, раскрыв журнал, о чём-то усиленно думал, но пару минут спустя, вдруг привстал и указательным пальцем ткнул Эли в бок:

– Не грызи, думать мешаешь…

– Пересядь подальше, раз не нравится, а я есть хочу… – вздрогнув от неожиданности, произнесла Элиабель.

– О чём пишет Диккенс? – надумавшись об Аполлоне,

спросила Белла.

– Не поняла пока о чём именно, но пишет много… – не отрываясь от книги, отвечала Изольда.

И тут в окно залетел воробей. Тревожный щебет и суетливые круги, мечущегося из стороны в сторону пернатого в высоком потолке, приковали к себе взгляды студентов.

– Надо поймать! Надо поймать! Ловите! – обезумев от восторга, кричала Белла.

– Так Диккенсом! Диккенсом! – вслед, неожиданно для всех, закричала Изольда.

– Ну, так кидай! Кидай! – негодующе размахивала руками Белла.

Изольда крепко обеими руками схватила «кирпич» и, выждав момент, когда птица полетит в её сторону, изо всех сил подбросила книгу. Но «кирпич» до потолка не долетел, а просто сделал в воздухе дугу и угрожающе полетел прямо на Перужду. Которая быстро разобралась в ситуации, спланировала свои действия, усердно нахмурилась, поймала тяжёлую книгу и с прежней хмуростью на лице, что есть мочи, запустила книгу обратно. Но Изольда неожиданно шустро увернулась и «кирпич» с большим грохотом ударился об стену. Всюду со стен посыпалась штукатурка, люминесцентные лампы синхронно замигали, что, вероятно, испугало воробья и он, наконец, вылетел в открытое окно. В аудитории воцарилась тишина, студентки молча переглянулись, успокоились, и каждая вновь вошла в свой привычный образ.

– На какой странице-то я остановилась?.. – листая поднятую книгу, вспоминала Изольда.

– Ха-ха-ха!..

Тут в дверях аудитории показалась округлой комплекции девушка из методического отдела (та самая, которая и вручила Алексу журнал группы, со словами «будешь следить за посещаемостью», так как студент чаще других появлялся в деканате, намеренно создавая, таким образом, видимость присутствия на факультете). Выразив сердитую хмурость на серьёзном лице, она заговорила:

– Редактор журнала только что звонила, просила передать, чтоб вы в редакцию сегодня шли – не ждали здесь. Алекс! – значительно усилив грозность лица, обратилась методист к студенту, подошла ближе и сердито проговорила: – Я же просила вчера подойти в деканат! Почему не подошёл? Вечно тебя по всему факультету искать надо!..

– А-а-а!.. – глядя в угол потолка над дверью, произнёс Алекс, и сделал при этом непонятный жест указательным пальцем (говорящий о чём-то среднем между: указывая на предмет с возгласом «Смотрите!» и вдруг озаряясь мыслью, поднимая палец вверх, с возгласом «Нашёл!»), отчего все присутствующие в аудитории так же направили взгляд в угол потолка, но там не было даже паутины, после чего, выражая крайнюю степень удивления, отвечал методисту: – А я и забыл…, странно, как это у меня так получилось. Я же, честно, совсем забыл об этом.

– Щас как дам! – свернув небольшую стопку бумаг в трубку, шутя, замахнулась методист. – Всё на свете забудешь!

– Так давайте я сейчас подойду…

– Ага, с утра до ночи ведь мы должны работать! Рабочий день у нас закончился, да и без тебя обошлись. Хотела ведь как лучше – «на встречу шла», а ты взял да и подвёл всех, – сообщив группе «новости», ушла обратно методист.

– Странно…, а я думала, методисты должны работать до последнего студента на факультете… Мало того что «обед» у них каждые пять минут, так они ещё и график строго соблюдают… – хмурилась Белла в пользу Алекса.

– А по какому это поводу ты нас подвёл? – улыбаясь, спросил Рок.

– По поводу… ммм… «сетки вещаний» лекций…, чтоб и преподавателям и нам удобно было. Преподавателям теперь будет удобнее, чем нам… Это мой точный строгий расчёт: преподаватели теперь будут довольными, ходить на пары будут в хорошем настроении, понимаете?.. Так что про плохие оценки можете забыть… А всё благодаря кому?!.. Мне и моей памяти… – развернул ситуацию Алекс.

– Надеюсь именно так, и будет… Документы-то у всех с собой? Раз в редакцию идём, а то тот «синий человечек» снова не пропустит, – напомнил Рок.

– Точно, пойду-ка я паспорт поменяю на студенческий, – ушла в библиотеку Эля выручать документ.

– Кому поставить «н»? Кому сделать выходной? Или мо-

жет на каникулы кто-то хочет? – снова раскрыв журнал, шутил Алекс и продолжил говорить с серьёзным выражением лица: – Одна «н» 300 рублей… Неделя – тысяча…, три недели – две тысячи…, постоянным клиентам скидки. За пять «н» подряд – бонус: шестой бесплатно! Акция действует вне предложения «неделя»… Торопись, налетай! «Энку» покупай!.. Хе-хе…

– Дурак!.. – с какой-то непонятной интонацией – «дождь в солнечную погоду», что-то наполовину радостное, наполовину чем-то недовольное, неожиданно, то ли показалось, то ли действительно сверкнула Белла.

– У тебя всё вокруг имеет лишь одно простое название… – не обижался Алекс.

– Распечатай мне прайс! Ха-ха-ха!.. Я не запомнила.

– И подпись свою поставь. Мы с ним в деканат пойдём… – отчего-то вдруг серьёзно, словно на что-то обидевшись, тихо проговорила Изольда, почитывая «Холодный дом».

– Хе-хе… Ничего вы не добьётесь. У них солидные проценты!.. Хе-хе… – с искусственно-злорадным смехом пояснил Алекс.

– А-а!.. – раздалось гармоническое трёхголосное построение в регистре – сопрано.

– Да шучу я, шучу!..

– Доставай уже свой топор! – строго и хмуро, выходя из себя, обратилась Белла к Перудже.

– Мясники… Сколько уже маньяков уложили? Хе-хе… –

опасливо поглядывая в каменно-серьёзные лица студенток, проговорил Алекс, который уже ничего не писал, а просто сидел с ручкой в руке и создавал вид делового человека, занятого чем-то важным.

– Возьми «Криминальный спектр» да посчитай сам… – грозно отозвалась Перуджа на шутку.

– Да! Ты же любишь шляться по библиотекам, там есть подшивки… – добавила Белла и в густых тучах показалась зловещая ухмылка.

– Язык мой враг мой… – нисколько не обижаясь и даже с улыбкой, изрёк сентенцию Алекс. – За клеймение нужна статья в законе.

Среди туч показались проблески неба, и Белла обратилась к Перудже:

– Не желаешь ягнёнка на ужин?

– Морозильник полный, сначала старое доесть надо, – серьёзно ответила Перуджа, тут же расхохоталась и обратилась к Алексу: – Приходи как-нибудь в гости на ужин…

– Она сделает тебе рулет из козлятины…, у неё их много в морозильнике, – просияв, сказала Белла.

– Ягнят не клеймят, а козлиным рулетом не откормите!.. – сложив пальцы и показав фигу, ответил Алекс.

– Ну, мы тебе травку дадим пожевать… – ответила Белла и вдвоём с Перуджой расхохотались.

– Что за шутки?.. Слушать вас тошно!.. – отвлекаясь от Диккенса, возмутилась Изольда.

– Им самим тошно…, а деваться некуда – кругом среда… неблагоприятная…, привыкаешь… – пояснил Алекс.

– Да вот! Живём и блюём… – согласилась Белла.

– Ха-ха-ха!.. Жуём и блюём!.. Ха-ха-ха!..

– Да хватит уже! Кошмар какой-то!.. Реально тошнит от ваших гнилых шуток… – возмущалась Изольда.

– А то, что не проблеёте, то… – продолжал Алекс.

– Да то самое…, скотный двор – среду удобряем. Сам же говоришь, что она виновата, – перебила Белла.

– Это было просто предположением… Откуда мне знать, что там и как устроено?.. Порочный круг озлобленной среды – вот что-то такое вроде есть, но знать ничего не знаю… – подытожил Алекс.

– Кто равнее тот и выберется из круга. Ха-ха-ха!..

– А равнее это как?..

– Каком кверху! У кого «как» выше сидит то и равнее… – смеялась Белла.

– А мы вот здесь и сидим сейчас чтобы расчищать все эти «каки» неблагоприятной среды…, да? – на время отстранившись и задумавшись, риторически – будучи уверенным в силе своей мысли – спросил Алекс.

– Нет, совсем не так!.. – ввязался в разговор Рок. – Задача – рассказывать, кто, где, какие «каки» оставляет… Расчищать должны другие специалисты. Но ни рассказывать, ни тем более расчищать не позволят, а время от времени подчищать кое-где предложат… – уверенно и со знанием, пояс-

нил Рок.

– А кто «не позволит»? – не понимал Алекс.

– Как кто?.. – вдруг задумался Рок, поводил глазами, увидел скрытые ото всех строки и огласил их вслух: Система, наверное…

– Вот и решай теперь, что выбрать: подчищать ГУПы или МУПы, либо специально-глянцевый «частный сектор», либо «жёлтые газ… – туалетные бумажки»…, а если особенно не повезёт, хи-хи… – «бесплатные туалетные бумажки с рекламными объявлениями»!.. – весело продолжала «лекцию» Белла. – Где-нибудь в далёкой мифической стране – в какой-нибудь «Столице Москве», которую никто никогда не видел, может быть и есть возможность что-то почистить. А так, если хочешь что-то сделать чистым, придётся устраиваться дворником. Хи-хи… Нет условий для расчисток, есть только предложения подчищать чей-то «как»… Вот и всё, так-то!..

– А ты чего думал, 10-я статья Конвенции рулит? Забудь!.. – удивлённо вопрошая, подытожил Рок.

– Ищи чей «как» выгоднее подчищать!.. Ха-ха-ха!..

– Ну…, в этом может и заключается специфика условий нашей среды – суметь рассказать…, или даже расчистить…, надо лишь подходящие для этого методы найти… – особенно подбирая слова, желая казаться умнее всех сразу, и так чтобы не нашлось возражений – с намёком на философа-мыслителя, резонёрствовал Алекс.

– Ну, вот и ищи! – радостно сверкнула Белла.

– Докажи свой «незаурядный ум»! Найди!.. Ха-ха-ха!.. – сотрясая округлости розовых щёк, смеялась Перуджа.

И здесь раздался звонок на пару…

Лекция третья: «Толкование сновидений»

Если на парах у Грецкого, студенты рисовали, мечтали и дискутировали на отвлечённые от темы лекции вопросы, на парах у главы факультета пытались слушать или же просто делали вид, что пытаются, тщетно борясь с помутнением в глазах, то на лекциях у психолога вся группа обращалась, словно в единый организм, в совокупность субъектов с одним коллективным сознанием – все как один, подчиняясь некой психической силе и погружаясь в какое-то подобие транса, внимательно слушали и синхронно всё записывали. Может быть поэтому история знакомства с психологом не была зафиксирована разумным сознанием, так как прошла в состоянии подобном сну, и сразу же ушла в область бессознательного.

С большой долей вероятности можно сказать о том, что «ярлыки», так или иначе – вследствие: преждевременных суждений, упрощённой категоризации, вычленения некоторых субъективно-предрасположенных черт, стереотипности мышления, выраженные твёрдой устойчивостью отношения – вешают все…, в том числе вешал их и психолог. Однако психолог если и вешал «ярлыки», то лишь временно как, например, «бирки», запоминая, кто с каким номером сидит, поэтому в случае неожиданной перемены субъек-

тов, находящихся под его строгим наблюдением, не забывал эти «бирки» своевременно снимать. Одно время висел такой «ярлык» и на Алексе, но – не вдаваясь в подробности – было это лишь на первом курсе и ненадолго – «ярлык» благополучно был вовремя снят. Чего не было у рядовых преподавателей, то было у психолога – таинственная тетрадь и способность помнить: кто какие «ярлыки» носит и в случае необходимости справедливо снимать их и вешать новые.

У психолога было всё по-другому. Высокий психолог входил в аудиторию с выкованным на лице выражением крайней сосредоточенности и чрезвычайной серьёзности. И, как всегда приветствуя студенческую массу своим профессорским басом, слегка при этом кивая, смотрел на студентов особенно торжествующим и сердитым взглядом, словно удав на кроликов, которым некуда бежать.

Присаживаясь на своё преподавательское место, психолог, с прежним грозным взглядом, приступал медленно и размеренно – аккуратно выкладывать свой учебный инструментарий из рабочего портфеля так, словно стол был шахматной доской, а инструменты фигурами на нём. Причём взгляд его в этот момент направлялся больше в аудиторию, нежели на стол и, как правило, делалось это всё, молча. Казалось, что психолог вот-вот сейчас что-то спросит…, но нет, ничего не спрашивал. От всего этого аудитория тут же приходила в небывалую сверхготовность, никто никогда не понимал к чему, но все были сосредоточены аб-

солютно.

Далее, сдвинув брови и каким-то образом увеличив глаза, преподаватель, также размеренно, будто пересчитывая присутствующих, грозным, почти гипнотическим взглядом, рассматривал и изучал то ли студентов, то ли одежду на студентах, то ли ярлыки и надписи на одежде студентов…, а может быть, просто вспоминал номера «бирок». Сразу же после «пересчёта», с преподавательского лица спадала напряжённая грозность, а вместо неё показывался едва заметный, с трудом уловимый намёк на лёгкую улыбку. Улыбка эта, вместе с остальным выражением на лице, которое уже направлялось в разложенный рабочий инструментарий, казалось, передавала торжествующую мысль: «Ага, кто-то сбежал! Меня не проведёшь». Но вместо возможных разбирательств и выяснений, к всеобщему удивлению, спокойно и также размерено, с некоторой ноткой доброжелательности в чётком профессорском голосе, раскрывая свою лекционную тетрадь, психолог вдруг спрашивал: «Напомните, на чём в прошлый раз остановились?». И как только выяснялось, на чём в прошлый раз остановились, тут же, фразой: «Запишите название новой темы», на последующие полтора, а если было две пары, то на все три часа задавал единый ровный ритм лекции, которая велась под медленную размеренную диктовку и которая лишь временами прерывалась пояснениями, уточнениями и другими недолгими комментариями. На протяжении всего этого времени никому не удавалось

ни отвлечь, ни расслабить, ни каким-либо другим образом рассредоточить своего внимания, либо оттого, что тема для каждого становилась вдруг чрезвычайно интересной, либо в силу скрытого воздействия различных тонкостей психологических приёмов, о которых знал лишь сам преподаватель психологии. Звучно произносимые психологом такие слова как: «парадигма», «бихевиоризм», «Спиноза», «Хайдеггер», внушали в студентов какой-то особенный – священный первобытный страх перед сверхъестественной силой могучего профессорского ума. Каждая лекция психолога превращалась, словно в интересный и увлекательный «сеанс гипноза».

На прошлом занятии студенты увлечённо, в полусне, медленно и размеренно записывали лекцию о проявлении так называемого парапраксиса. Явление это знакомо практически всем и для широкого круга более-менее образованных людей известно под другим названием – «оговорка по Фрейду». Суть явления, как диктовал психолог, сводилась к тому, что бессознательные желания проявляются в реальной жизни в виде разнообразных, кажущихся случайными ошибок – оговорок, описок, ослышек, опечаток и даже в виде более сложных процессов – в действиях человека, и, в некоторых случаях, в систематическом повторении тайно-желаемых – но неосознаваемых – «случайных» поступков. Приводил примеры: хроническая потеря какого-либо предмета – у очень многих людей, так или иначе, теряются – либо сами вдруг куда-то «прячутся» – сотовые телефоны. В дан-

ном случае: хороший механизм защиты от вещи, которая без конца звонит, тревожно вибрирует, будит – беспокоит и принуждает совершать, возможно, нежелательные действия. Также часто случается такое явление, что человек совершенно чётко и ясно слышит не то, что ему говорят, а то, что он сам в тайне желает услышать. Или вот такой пример: самые, до смешного, показательные – самые красноречивые примеры речевых оговорок – причём в больших количествах – встречаются у политиков. И тут же приводил случаи из жизни, а точнее из телевизора. Например: «разница между богатыми и бедными будет сохра… сокращаться» – бессознательное в данном случае – вырывающаяся правда, сознание – ложь…, и надеяться нечего, хотя можно верить…

В этот раз студенты, так же медленно и размеренно записывая, продолжали изучать, как эти тайные бессознательные желания проявляются в явных снах.

Записали об эволюции взглядов человечества на явление сновидений: от первобытных – о том, что сны предвестники будущего и, что их посылают боги, и до современных научных воззрений: где основополагающей стала теория о том, что сны это результат пережитого прошлого, плюс к этому – как, вероятно, последнее фундаментальное предположение о явлении – добавили теории того же Фрейда – суть которых всё в том же – в бессознательном. На этом же подробно и остановились.

Записали о назначении сна: как физиологическом, так

и психологическом. Вкратце записали общую концепцию теории сновидений Фрейда и слушали комментарии.

– Запишите… – сказал психолог, но вдруг паузу затянул и увидел, как студенты что-то синхронно записали, отчего и спросил: – Что же вы пишете?..

Синхронно опустив головы в тетради, студенты с виноватым голосом в унисон пропели:

– Запишите…

Тут психолог, мимикой и жестом головы, сделал недовольное выражение и вероятно что-то неодобрительно подумал. После чего, с прежним намёком на улыбку, сделал какие-то загадочные пометки в своей – лежащей особняком на преподавательском столе – таинственной тетради. Психолог, кроме того, что занимался преподавательской деятельностью, был ещё и профессор и вероятно ставил психологические опыты – копил знания для своих будущих научных трудов.

– Запишите следующие положения теории Фрейда, – продолжал преподаватель психологии и наблюдал синхронное действо.

Затем психолог диктовал и рассказывал о сути механизма превращения скрытых – вытесненных общественными нормами – бессознательных желаний в явные сны. О том, что сфера бессознательного проявляется в конкретных образах. Что образы эти есть зашифрованные сообщения бессознательного, запретные желания: проявления агрессии – нена-

висти, нарушение норм этики и морали и прочее, что человек находящийся в здравом уме и приличном обществе никогда не позволит себе совершить в реальности. И о том насколько всё-таки сложен механизм превращения абстрактных явлений реальной жизни в конкретные образы-картинки сновидения. И приводил различные примеры:

– Попробуйте представить в конкретном образе такое выражение как «буква закона»… То есть это абстрактное понятие и у каждого человека оно будет своим собственным – особенным, основанном на его личных эмпирических познаниях и представлениях о мире, которые сфера бессознательного будет использовать при кодировании образов… – рассказывал психолог-удав, внимательно смотря на загипнотизированных студентов-кроликов и продолжал дальше: – Но помимо этого есть универсальные представления о действительности, которые одинаковы для всех людей и которые имеют определённые устойчивые значения – символы-архетипы – конкретные общеизвестные образы… Это понятно, да? – спросил психолог, а точнее профессор, смотря в глаза каждому студенту в надежде найти непонимание.

Студенты, а точнее опытные образцы, синхронно кивнули и, чтоб не вызывать подозрений, изобразили, насколько это было возможно, серьёзные и умные выражения на лицах.

Гипнотическая лекция продолжалась медленно, размеренно, интересно и увлекательно с глубоким погружением в особенную, специально созданную преподавателем, психи-

ческую среду.

– …Явление характеризуется высокопроизводительной деятельностью гипоталамуса… – продолжая лекцию, произнёс профессор и стал всматриваться в характер поведения студенческих зрачков, читая по ним, кто какие испытал эмоции, затем делал выводы, может быть, ставил соответствующие диагнозы, после чего делал таинственные записи в свою особенную тетрадь и вновь продолжал лекцию.

Далее было сказано и записано ещё много чего интересного, вскользь было упомянуто о различных феноменах и проблемах сна, в том числе о сомнамбулизме, о том что «лунатики» своих хождений не помнят, а просто продолжают спать, и что движет ими в этот момент… что?.. Студенты как не пытались, но, находясь, как бы под гипнозом, задать вопрос не смогли.

Также психолог рассказал о том, как сны могут быть связаны с творческим мышлением, как влияют на него, как помогают либо вредят, что-то было сказано о связи с инсайтом…

И закончил тему сновидений кратким, но интересным повествованием о профессиональных творческих методах в изобразительном искусстве художника Сальвадора Дали. Выяснилось, что перед ваянием очередного шедевра: Дали брал в руку связку ключей; клал на пол перед креслом металлический поднос; и, удобнейшим образом расположившись в кресле, пытался уснуть. Как только «ходячий сюрреализм»

засыпал – ключи с грохотом падали на поднос: гений авангардизма вскакивал и начинал творить чётко отпечатавшиеся в памяти образы увиденных сновидений, проецируя их на холсты. Таким образом, из-под кисти художника явился: «Сон, вызванный полетом пчелы вокруг граната, за секунду до пробуждения» и ещё целый ряд таких же загадочных фантасмагорий – переполняемых гротескным абсурдом, сюрреалистических аллюзий реального мира.

Когда студенты пришли в себя из некоего гипнотического состояния, неизвестно чем вызванного сонного забытья, то за преподавательским «шахматным» столом уже никого не было. Студенты просыпались, переглядывались между собой, вспоминали друг друга, о том, что была лекция по психологии и что теперь надо идти на следующую пару.

– Ха-ха-ха!.. – слегка заторможенная деятельность надпочечников вновь ускорилась, произошла выработка адреналина и самой первой вернулась к бодрости Перуджа.

– Ну что, пошли в редакцию?!.. – минуту спустя хмуро произнесла Белла и чему-то вдруг удивилась. Все остальные, казалось, тоже чего-то недопоняли, и также, устремив взгляд на Беллу, выразили на лицах глубокое изумление.

– Ха-ха-ха!.. – надпочечники навёрстывали упущенное бурной выработкой гормонов – активировался эпифиз, начались процессы образования серотонина: – Ха-ха-ха!..

Алекс, испытал на себе колоссальный всплеск окситоцина – сидел молча, смотрел на группу и добродушно улыбал-

ся.

Но, как только процессы деактивированного гипоталамуса студентов пришли к прежним показателям, «химическая промышленность» возобновилась. Крохотный отдел запустил своё «производство», все механизмы заработали, и началась цепная реакция – гипофиз осуществил мощный выброс вазопрессина – накопившиеся нейросекреты вылились в кровь, и, минуты две спустя, мозговая деятельность студентов окончательно вошла в фазу бодрости. Студенты всё вспомнили, разобрались в ситуации, выражение глупого удивления на лицах стёрлось, и они стали собираться, совершая знакомые им действия и привычные для них телодвижения.

– Да, пошли… – очнулась Изольда.

– А где мои сухарики?.. – последней пришла в себя Эли.

И прозвенел звонок на пару.

– Ха-ха-ха!..

Лекция четвёртая: «Студ Big Bang»

Студенты дружною толпой…, нет – каждый в отдельности, идя своим собственным путём, так и не «свалив» с последней пары, направились в редакцию. Лишь только Перуджа обняв «струнку» Изольду и играя на ней свою оперетку, шли вместе, да Рок с Элей о чём-то тихо разговаривая, парой шли следом.

Группа была своеобразной, часто казалась противоречивой: в один день атмосфера в группе была «солнечная»: сплочённость, дружба и какое-то веселие царили в ней, на следующий же день, студенты, совершенно не сговариваясь друг с другом, по каким-то совершенно не понятным причинам, составляли вдруг глубоко мрачный коллектив – была в группе самая настоящая «пасмурная погода, гроза и дождь».

«Верховным главнокомандующим» растянутого «войска», с частыми возгласами: «Давайте быстрее!», была Белла, замыкал студенческий отряд – отставая от Комикс-Мена метров на десять – Алекс, вероятно для того, чтоб проследить – как бы кто не сбежал.

Примерно в такой же очерёдности группа вошла в, расположенное недалеко от факультета, большое здание, где на седьмом этаже и находилась редакция «Студенческого журнала образованью служащего».

На крыше здания, большими буквами, зажигающимися по ночам тусклым жёлтым огоньком, было написано: «ДОМ П…». Можно предположить, что когда-то в не очень далёком прошлом, дом этот назывался иначе, потому как следом за большой буквой «П» оставались места для других букв, но сейчас там «читались» лишь металлические конструкции, к которым и крепились эти пропавшие другие буквы. Куда же делись загадочные символы, исчезновения которых, видимо, никто и не заметил, неизвестно. Вероятно, когда-то в прошлом случился здесь сильный ураган, и большие кириллические литеры просто унесло сильным ветром, куда-то очень далеко. А может их просто сняли за неуместность или, как принято сегодня корректно говорить, за «неформат».

В вестибюле «ДОМа П…», встречал всех входящих, сидя за столом с протянутой рукой, мытарь в синих одеждах. Сбором подати и налогов он не занимался, мытарь был «документальный» – проверял документы. Останавливал он почти каждого входящего без спецпропуска и требовал удостоверяющий личность документ. Стоило документу оказаться в руках, как случался с мытарем какой-то приступ: то ли честной добропорядочности, то ли усердного трудолюбия, то ли верности долгу, а может и просто послушания закону. Тщательно рассматривая каждую страничку книжечки паспорта, он словно искал возможности за что-нибудь зацепиться. В чём была причина такой реакции, оставалось для студентов загадкой, может быть, он для себя понял так, что пол-

ное название дома, надо было понимать как – «ДОМ Преступников». Точно этого сказать нельзя, но в пользу этой гипотезы говорит такое обстоятельство: студенты-«бандиты», входя в «ДОМ», всегда встречали со стороны мытаря какую-то отрицательную предрасположенность, предвзятую враждебность и чуть ли не мстительную злость. Хотя, конечно же, здесь может быть много объяснений: вполне вероятно, что, каждый раз – в день явления студентов – он просто ругался со своей женой, отчего и был не в духе, но лишь до тех пор, пока не появлялись студенты, на которых он и срывал все свои негативные эмоции. Ведь мытари тоже люди – их тоже пилят жёны.

С большим успехом пройдя через «паспортно-визовый» стол, студенты направились к лифтам. Вызвали сразу два. Лифты гудели, гудели…, скрипели, скрипели…, но дверей своих всё не открывали. Судя по звукам, казалось вот они уже здесь и двери сейчас откроются, но открывались этажом выше, после чего вновь уезжали наверх. Странное дело, но лифты «слушались» только сотрудников «ДОМа П…» и то – лишь самых старожилов. Тщетно прождав минут десять, студенты поднялись по лестнице.

Открыв большие толстые двери, студенты оказались в тёмном и очень длинном коридоре. Рабочий день в редакции подходил к концу, поэтому и было здесь темно и тихо. Студенты вошли во тьму и медленно, практически на ощупь, под слабый свет телефонов, направились к двери главного

редактора.

– Вот блин! Экономисты!.. – шёпотом, хмуро возмущалась Белла.

– Ну так, нерентабельный муниципальный журнал…, чего ты хотела?.. Крутятся, как могут… – также шёпотом объяснила Изольда.

– Да хоть лампочку, где-нибудь в середине коридора, могли бы уж привинтить… Четверть полосы под рекламу – вот тебе и свет на всю редакцию… Не понимаю…, тяжело что ли?..

– Я тебе говорю – муниципальный!.. – не поможет… Чтобы заботиться о чём-то, надо хотя бы почувствовать, что это твоё…, а не муниципалов, или как их там… Если конечно ты не альтруист-энтузиаст… А они зарплату получают и ладно!.. Зачем им лампочка?.. Привыкли уже…

– Хоть на свечки скидывайся, блин!..

– Ха-ха-ха!.. А чё, прикольно же!.. Как в «секретных материалах»… Только фонариков не хватает… А со свечками вообще был бы класс!.. Щас как вылезет пришелец… Вав! – смеялась Перуджа, схватила за руку Эли, и тут же темнота разразилась её громким, тонким визгом.

– Я не верю в пришельцев… Их не бывает… Просто неожиданно…, вот и испугалась… – серьёзно прошептала Эли.

– Ха-ха-ха!.. Так я тебе и поверила!..

– Ну и где эта дверь?.. Может прошли уже?.. Кто-нибудь

контролирует ситуацию?.. Кто знает куда мы идём?.. – задавался вопросами Алекс.

– А я думаю все уже ушли отсюда…, рабочий день ведь у них закончился…, психолог задержал, вот редактор нас и не дождался… – предположил Комикс-Мен.

– Всё под контролем, не боись… Две уже прошли, ещё через одну – следующая справа – как раз будет дверь главреда… – отвечал всем и за всех Рок.

Одна из самых последних дверей многочисленных кабинетов, – в которых, заседая, трудились сотрудники журнала – открылась, и в конце коридора показался свет, а вместе со светом вырвался на свободу приглушённый звук клавиатуры компьютера…, очень похожий на шум печатной машинки.

Благополучно и без серьёзных происшествий дойдя до нужной двери, студенты расселись в маленьком и скромном кабинете «главреда», раскрыли лекционные тетради и принялись слушать лекцию по «Типологии местной печати».

– Ну что ещё сказать про нашу местную печать… – час спустя, заканчивала главный редактор лекцию по предмету. – Да больше и сказать-то нечего… Почитайте его книжки про историю местной печати, да и всё сразу поймёте…, и всю «соль» почувствуете… А он, кстати, у вас сейчас ведёт что-нибудь?..

– Нет…

– Не знаем…

– Не видели ещё…

– Вроде бы в командировке он… – неопределенно ответила группа разными голосами.

– Понятно…, всё диссертацию значит пишет… Так вот прочитайте его книжки… Ну а про сегодняшнее время запомните следующее: что тиражи нашего издания – конечно после главного регионального официоза, это уж не надо объяснять – самые большие в регионе… Да, молодёжь, пока что, нас поддерживает…, спасибо Мишке да Светке, ведут музыкальную рубрику, стараются… Итак… Это что касается нашей с вами лекции… Всё… закрывайте ваши тетради и убирайте их подальше… – лекции закончились. Будем с вами делом заниматься. Ведь вы уже что-то пишете?..

– Пишем! – тут же ответила сияющая Белла, словно заранее знала о вопросе, а в мыслях продолжила: – Правильно! Нечего нас учить!..

– А у нас сегодня как раз «журналистское мастерство» было. Грецкий дал задание статьи писать и даже темы раздал… К следующей паре уже просил что-нибудь принести… – добавила Изольда.

– Грецкий это такой паренёк в очках, да? Аполлон что ли, или как его…

– Да, тот самый в очках… – ответила Белла, а в мыслях произнесла: – Аполлонушка наш…, Аполлончик…

– Вот как хорошо получилось! Одним выстрелом двух

зайцев и пристрелите!.. А вместо лекций…, вместо того чтобы учебники в тетради переписывать, просто с готовыми уже материалами будете приходить раз в месяц… Есть у меня одна свободная полоса…, всё думала – не знала чем её занять…, и тут как раз вы подошли… Сам Бог, как говорится, подослал вас!.. Ну что…, хотите в моём журнале рубрику вести?..

– Хотим… – впервые в жизни дружно – в унисон, объёмным хоровым звучанием отозвалась группа.

– Вот и отлично! Будете вести теперь целую полосу…

– А какую?.. – тут же спохватившись, опасливо спросила Эли.

– Рубрику какую?.. Хороший вопрос!.. Давайте вот сейчас и придумаем название!.. Желательно что-то связанное со студенчеством…

– Может «Студ Galaxy»… – спустя несколько минут активных поисков, первым придумал Алекс.

– «Студ Galaxy»?.. Ну…, я ведь вам только полосу даю, а не целый журнал… А так конечно звучит…, да…, неплохо…

– Ха-ха-ха!.. У нас большие планы на ваш журнал!.. Нам сегодня психолог про Фрейда рассказывал!.. Ха-ха-ха!..

– Давайте «Студ Big Bang» назовём… – придумал художник Комикс-Мен. – Типа самое начало нашей журналистской деятельности…, как бы неожиданное рождение студенческой рубрики…

– Вот это интересная мысль… Да, что-то здесь есть символичное…, знаковое что ли… Мне нравится!.. Ну как?.. Поддерживаете?.. Может действительно название говорящим окажется и что-нибудь из этого для вас и выйдет… Давайте тогда на этом и остановимся…, если конечно других вариантов больше не будет… – предложила главный редактор, других вариантов не было. – Как будете готовы, так сразу и несите, а мы опубликуем!.. Ну…, на этом, пожалуй, сегодня всё… Лекция закончена – все свободны… Звоните мне как подготовитесь и надумаете придти… До свидания, удачи с заданием!..

И раздался звонок телефона главного редактора.

– «Студ Big Bang»! Ха-ха-ха!.. Как будто кувалдой по голове!.. Ха-ха-ха!.. – весело дрожали округлости розовых щёк, освещённые синим свечением телефона в тёмном коридоре редакции.

– Да нормально!.. Мне вот тоже нравится… Я, например, вообще ничего не придумала… – заступилась Изольда. – Как-то неожиданно загрузили нас статьями…, интересными предложениями вдруг засыпали…

Студенты подошли к «дрессированным» с хитрой механикой лифтам, вновь зря прождали минут десять и оказались на лестнице. Спускались все молча, каждый был увлечен какими-то своими мыслями:

– Ха-ха-ха!.. «Студ Big Bang»!.. Ха-ха-ха!.. Ладно, ладно барыня успокойся!.. Надо о серьёзном подумать… Чего мне

про культуру-то написать?.. В оперу-то давно никто не приглашает… Всё по танцулькам шляемся…, да по скверным местам… Да ну их всех!.. А пойду-ка я сегодня в театр оперы и балета! Сделаю репортаж с места события… Перуджа! – специально для – «Студ Big Banga»!.. Ха-ха-ха!.. «Big Bang»! Ха-ха-ха!..

– Вот и займусь сегодня же заданием… Вот как напишу! Вот как покажу Аполлошке! Устрою ему «Big Bang»!.. Пусть потом ходит под впечатлением!.. Будет знать, как не обращать на меня внимания!.. – нервно размышляла Белла.

– Да, надо не забыть, прямо сегодня же и найти ту свою самую лучшую фотку…, где я такая самая красивая, и где глаза у меня там такие большие-пребольшие и прямо такие синие-пресиние… Как же не забыть?! Как же не забыть?.. Пометку щас надо бы сделать… – горела идеей Изольда. – А статейку?.. А статейку пусть Белла и пишет!..

– Эх…, вот я влипла… Что же мне делать теперь?.. Что писать про это здравоохранение?.. С чего начать?.. Чем закончить?.. Как её сделать?.. Ай!.. Не буду думать…, и само пройдёт… – думала Эли.

– Ну и чем же «Студ Galaxy» хуже «Big Banga»?.. Предвзятость! Несправедливость!.. А всё оттого что на последней парте сижу… Думают вот: чем ближе студент сидит, тем больше он любит предмет и, в особенности, препода…, не понимают же простой истины: что чем дальше, тем больше видно, тем лучше материал усваивается… Здесь же что

важно?.. Поведение самих же студентов, их реакция на излагаемый материал…, их жесты, позы, мимика…, это же всё участвует в процессе обучения, усваивается незаметно. Известно же что 80% знания получаются глазами… Это же физиологические особенности психовосприятия или как там… глубинные резервы нейроадаптации… Не понимают же! Не понимают!.. Им бы лишь сразу «ярлык» повесить!.. Несправедливость! – переживал непонятый педагогами Алекс.

– ЖЖ… Ну кто тянул меня за язык?.. И что теперь писать про этот ЖЖ?.. Историю развития?.. Кто основал?.. Как им пользоваться?.. Скопипастить страничку «О проекте»?.. ЖЖ – это… Нет, так не пойдёт, нужно придумать что-то интересное и необычное… А чем ЖЖ полезен, например, художникам?.. Ведь не зря же карандаш в логотипе нарисовали… Может как-нибудь так развернуть? Надо будет об этом подумать… Ладно, целая неделя впереди, что-нибудь придумаю ещё… – мучился поиском оригинальной идеи Комикс-Мен.

– А я поступлю умнее всех – будет у меня в журнале интервью… Уж давно всё думаю: зачем в наше время молодёжь идёт в педагоги… Какой резон они там ищут? Вот как раз и задам я свои вечные вопросы!.. И ответ получу и статья будет… Сейчас приду домой…, помузицирую какую-нибудь лирику…, подумаю над вопросами, составлю их…, да тому же Грецкому для начала и отправлю на мыло…, пусть

сам и подготовит мне материал… – спокойно планировал свои цели Рок.

Наконец, студенты вышли из большого здания, постояли на крыльце: о чём-то недолго поговорили, посмеялись, кто-то с кем-то договорился пойти в оперу, ещё раз посмеялись и разошлись каждый в свою сторону.

Забегая вперёд: название рубрики, как и предполагала редактор, действительно окажется говорящим и выйдет для группы хорошим опытом. Автор идеи видимо не учёл, что часто случается по известному выражению: «как вы яхту назовёте так она и поплывёт», а вполне может, что этого и ожидал. Рождение рубрики ознаменовалось событием, которое было охарактеризовано самим названием. Событие, однако, произвело не так чтобы уж совсем «Big», но всё-таки хоть какой-то «Bang», и даже пустило заметную волну последствий, среди которых такое ужасное как…, но не стоит забегать слишком далеко – всему в человеческой истории должно найтись своё время и подходящее место.

Цветная капуста в томатном соусе

Однажды, усилием мысли, раскрыв невероятную силу языка, и, кроме того, изучив целый ряд его фантастических свойств и уяснив для себя такой интересный факт, что если немного преувеличить – усилием воли или того же разума – этой силой, немного сыграть не по правилам – позлоупотреблять, вдохновившись войти во вкус и почувствовать его – ограниченный лишь фантазией – потенциал, виртуозно поигрывая произношениями, акцентами, всевозможными оборотами и даже – изредка – прибегая к чистой воды аллегории, то язык этот может привести не только в столицу родины Гоголя, но даже и в такие скрытые от внимательного взгляда места, о существовании которых даже и не подумаешь, что они вообще могут быть… Так вот, особо не увлекаясь и по возможности держа на привязи этот «мясистый снаряд во рту», соблюдая правила использования его грандиозной силы, Алекс прогуливался по солнечному городу.

Нагулявшись вдоволь и почувствовав вдруг лёгкий голод, он завернул за угол, прошёл один дом, второй, снова за угол, прошел через двор, перешёл дорогу, спустился по лестнице, вновь повернул за угол дома, прошёл через арку, скрылся за очередным углом и вскоре оказался прямо перед дверями супермаркета «Славянский Базар».

– Если бы хлеб продавали у кассы, были бы супермарке-

ты такими же полными?.. – думал Алекс, пробираясь к хлебному отделу. – Только мухи бы и ели залежавшиеся просроченные конфеты… А так, вон – раскупают потихоньку…

Пробравшись через все отделы магазина к самому дальнему, и взяв там, самую тяжёлую по весу и самую дешёвую по цене, буханку самого полезного – судя по заявленному на этикетке составу – хлеба, взгляд его вдруг поймал курицу. Большая, толстая птица, медленно проворачиваясь вокруг своей оси, волнительно парила в клубах горячего пара и, несмотря на стекло, сильно била по носам людей, отчего и привлекала к себе их взгляды. В своём аппетитном горизонтальном положении, покрывшись румяной корочкой сплошь усеянной ароматными специями, «звезда отдела» жаром источала манящие благоухания и…, как следствие, – завлекала в отдел голодную толпу из соседнего – хлебного. Тут же, на «подтанцовке» у «звезды», в одном с ней стиле и цветовой гамме, за стеклом, но в холодильнике, в таком же аппетитном горизонтальном положении лежали всевозможные копчёности, варённости, охлаждённые жарености, разнообразные сорта колбасных деликатесов и все вместе тоже пытались благоухать.

– Бедная курица… Когда-то, с усилием, с надеждой, вылупилась она из яйца и жёлтым цыплёнком радовалась жизни…, мошек ловила… – лишь сострадательно вздохнул Алекс, в ответ на её завлекающие «вкусные аргументы».

Привычный процесс круговорота людей в супермарке-

те, соблюдая заведённую закономерность, протекал своим чередом отделов: далее голодной толпе, находящейся под глубоким впечатлением от «куриного представления», предлагалась консервированная рыба и молочные продукты. Но Алекса почему-то вдруг потянуло в бакалейный отдел к полкам с кондитерскими изделиями.

– «Юбилейное», город «N», – внимательно рассматривая пластиковую упаковку, и изучая громадный набор всевозможных перемешанных разноцветных ценников, выискивая в них «причинно-следственную» связь и соответствие логическим нормам, выбирал Алекс печенье, – «Юбилейное», город «NN»…, «Юбилейное», город «Столица»…, «Юбилейное», город «Вторая Столица»… Интересно кто кому здесь платит за использование бренда?.. О, ужас…, это должно быть творческий кризис… – подумал он, взяв в руки очередную пачку печенья, но в бумажной упаковке, которую в последний раз видел ещё в советские времена, среди конфет, в новогоднем «подарке», – и это тоже «Юбилейное»…, «великий и могучий», а на названия для печенья скуп… А!.. вот, оказывается, в чём дело: село «Юбилейное»… они-то может быть и вовсе не знают о бренде…, соригинальничали – назвали в честь родного села…, а село-то оказывается и было названо в честь… А вот это вот что-то новое… Да, это как раз то, что надо: «Неюбилейное», город «Стерск»…, ну хотя бы так… – взял печенье и, вспомнив о последней, выпитой с утра, ложке кофе, подошёл к противоположному

стеллажу. Взял самую большую банку, и хотел, было отправить её в корзину, как вдруг остановился и просто оцепенел, увидев шокирующий размерами – пластиковый пакет с застёжкой призванной сохранить аромат растворимого напитка. Застыв в удивлении, Алекс думал: – Какую же лучше взять?.. – лучше больше да дешевле… – рассчитывал и делил цену на «количество чашек»: – Значит, в итоге получается, что пакет выгоднее банки… – подумал ещё и «в итоге» положил в корзину и пакет, и банку: – На полгода должно хватить… – взглянул в корзину, и врезалась мысль: – Какая-то кофейная болезнь начинается… – поставил банку на место, а про пакет подумал: – Надо будет поэкспериментировать… и проверить «на вшивость» этот «маркетинговый ход»…, что-то здесь, кажется мне, подозрительным… – и, не соблюдая правильной циркуляции людей, броуновским движением из отдела в отдел пошёл он дальше по магазину, приближаясь к выходу.

– Чего же мне ещё надо?.. Ах да! – пошёл в следующий отдел и взял там банку томатного соуса. – Это взял, это тоже есть и это не забыл, а!.. точно, вот же что ещё, – вернулся обратно и взял какую-то бутылку очень похожую на банку. – Кажется, всё взял…, нет, что-то вроде бы пропустил…, ведь что-то ещё надо было… Точно!.. самое главное чуть не забыл! – снова вернулся в бакалею, направился к большому открытому холодильнику, – где лежали овощи, пельмени, котлеты, желудки, кишки, слизистая печень,

обнажённое, обливающееся кровью сердце, огромная свиная голова… и порционные механически общипанные цыплята-бройлеры, – но шёл не как обычно, а почти бежал, смотря при этом в противоположную от холодильника сторону в стеллажи с чаем. Но не успел дойти до места, как вдруг споткнулся об какую-то коробку и на полном ходу – потеряв равновесие – полетел, но падал недолго, оттого что тут же – вполне удачно и даже мягко – наткнулся на приятной наружности девушку, выкладывавшую товар на полки. В затянувшемся мгновении тесного контакта, разглядывая зелёные роговицы гипнотических глаз мерчендайзера, Алекс «почти быстро» пришёл в себя:

– Простите, я не случ… то есть спец…, в смысле я не хотел…, понаставили коробок на дороге, сами же и виноваты, что провоцируете.

И не дожидаясь от, вдруг потревоженной, девушки возможного ответа, взял какой-то пакет из холодильника и скрылся по направлению к кассе.

В страшном месте расчёта, выразив на лицах глубокую задумчивость, в ожидании толпился народ. Привычно пройдя к самой дальней кассе – где всегда меньше всего людей – Алекс встал в длинную очередь, но, в то же время, продолжал следить за другими: часто в правилах встречаются исключения, кроме того, важно учитывать и человеческий фактор.

Прошло минут десять, очередь, почти не двигаясь, сто-

яла на прежнем месте. Не прошло и часа, и вот уже показались зубные щётки. В блестящих красочных упаковках, в несколько рядов, так и маячили перед глазами Алекса. Совершенно новые, свежие, чистые – так и лезли в корзину. Тут – уже в голову – полезли мысли о том, что надо бы заменить ту свою старую, уже изношенную, уже почти стёршуюся, потрёпанную и уже совершенно не справляющуюся с работой:

– Действительно, надо бы уже, а то та совсем не чистит…, или всё-таки подождать ещё?.. Хотя стоматологи рекомендуют каждые три месяца менять… Так значит заменить?.. – размышлял Алекс, и тут же в мыслях его предстал седой старик стоматолог: – Обязательно заменить!.. Нельзя ждать! Зубную щётку надо менять каждые два месяца! – Как?.. Уже два?.. Так раньше же три было?!.. – Ну так это раньше было! А теперь, видишь ли, экология портится: парниковый эффект – ледники тают! Так что два! Два месяца и не более!.. Бери! Бери!.. – Ну, раз ледники уже тают…, пожалуй, возьму… – Не пожалеешь! – украдкой шептал стоматолог, в то время как – сразу две – новые щётки вползли в корзину. – Три бери! Три!.. Киотский протокол провалится! Ледники будут таять, а белые медведи на глазах вымрут!.. Бери сразу три! Щас всё раскупят, и тебе не достанется!.. – не унимался стоматолог.

Очередь всё стояла и улиткой ползла к выходу. Показались штабели шоколадных батончиков и стопки плиток.

Тут же и всплыли в мыслях кадры снятые высокоскоростной камерой (смотреть в режиме замедленной съёмки): орехопад из громадных фундуков, медленно-медленно падает…, падает…, и всё ещё падает…, и вот бурный ручей из орехов волной хлынул и лавинообразный поток летит прямо в камеру, из потока – медленно-медленно вращаясь – вылетает самый крупный – размером с грецкий…, нет, как марокканский мандарин – орех, летит в камеру…, летит, всё приближается… и вдруг раздаётся хруст, фундук лопается на две большие части, замедленный бурный поток из мелкого жаренного арахиса, неожиданно врезается в ручей фундука, смешивается, заворачивается вихрем, волной всё это подхватывает и раскрывая содержимое громадного фундука, преподносит всё в камеру… Но тут – обязательно справа на лево – внезапно хлынул расплавленный горячий шоколад, тёмные брызги накрыли ореховую массу, а дольки фундука – медленно-медленно – смыло за экран…, камера устремилась за «главным героем» и… стремительно, бушующей рекой, врезается – с лева направо в шоколадно-ореховую массу – молочное цунами… Всё закрутилось, завертелось, перемешалось и… – медленно-медленно – долька фундука всплыла и невесомо воспарила над хаосом потоков, вслед взлетели молочно-шоколадные брызги…, но тут съёмка начала ускорятся – всё быстрее, быстрее, быстрее… – и в миг вся масса завернулось в обёртку и оказалась в штабелях батончиков в коробке у кассы. Три батончика и две плитки шоколада –

таинственным образом – оказались в корзине у Алекса.

Очередь продолжала стоять и, волнообразно пульсируя дождевым червём, с трудом пробиралась на свет улицы. Прошло ещё минут пять, и, от нечего делать, Алекс стал подсчитывать точную стоимость всех покупок.

– Бездумно тратить – это вроде и называется расточительство!.. – вспыхнула мысль от сложившейся в итоге суммы. – Да у меня, слава Богу, и нет столько… Зачем мне этот шоколад?.. Фу… гадость какая-то… – рассмотрев обёртку плитки и найдя в коллаже натюрморта подозрительный рисунок изюма, очень похожего на таракана, вернул её обратно в коробку, тут же сразу, вслед за плитками отправились и все три батончика, между которыми затесалась какая-то баночка вроде бутылочки и пачка «Неюбилейного» печенья.

– Да зачем мне три щётки?.. И одна хватит… Да, если честно, так-то и старая ещё хоть куда!.. – благополучно вместе с шоколадом, вернулись на место зубные щётки. – Пусть, хоть и не надолго, приостановится производство пластика…, а потом пусть также сократиться нефтедобыча…, а там, вероятно, вместе с этим и сократятся парниковые выбросы…, и, как следствие – ледники перестанут таять…, а белые медведи проживут ещё пару десятилетий… Да – всё так… Отчего же я раньше об этом не подумал?.. Ещё чуть-чуть и стал бы соучастником убийства медведей. Верни щётку – спаси белого медведя!..

Вовремя одумавшись и спасши медведя, наконец, подо-

шла его очередь рассчитаться за накопленные «богатства», среди которых остались лишь хлеб, банка соуса, кофе, да какой-то пакетик. Продавец взяла деньги, и даже пакет не предложила, а скорее закрыла кассу на перерыв и – к великому возмущению стоящей за Алексом толпы людей – куда-то удалилась. А «спаситель медведей» наконец-то вышел на свет солнечной улицы.

В крупных «маркетах», отходя от касс – по пути к выходу – невозможно не заметить такой, столь замечательный, ракурс – интересную параллель с молочной фермой, что две фотографии можно поставить рядом и опубликовать в специальном издании в разделе развлечений – в стиле игры на внимательность: «найдите 10 различий».

Пробравшись сквозь высокие стены домов, узкие закоулки тёмных дворов, всевозможные арки, места отдыха и парки, неожиданные тупики, кусты, заборы, балюстрады, предательски приоткрытые канализационные люки, оставленные без присмотра вырытые глубокие канавы – без всякого ограждения, доверху залитые горячей водой – и просто ямы, Алекс, наконец, пришёл домой.

Домом была небольшая двухкомнатная квартира на седьмом этаже девятиэтажного крупнопанельного дома. Одну из комнат снимали, таинственные – так ни разу не показавшиеся – жильцы: дверь в эту комнату была закрыта и опечатана пожелтевшим листком, на котором была надпись: «Ушли, когда-нибудь будем. Ждите!». В первое время жи-

тельства на квартире, последнее – тревожное, усиливающееся восклицательным знаком – слово записки не давало покоя и просто сводило с ума, но со времени заселения прошло уже больше года, и Алекс даже и не вспоминал уже о её существовании.

Придя домой, Алекс, первым делом, приступил к запланированному эксперименту: распечатал большой пакет и осторожно стал пересыпать его содержимое в, опустевшую с утра, большую банку из-под кофе. В исследовании «кофейного явления», для чистоты эксперимента, Алекс ориентировался не на «количество чашек», а на объём в граммах: согласно цифрам указанных на упаковке выяснялось, что пакет больше банки почти на треть (28%). И какого же было его удивление, когда содержимое пакета полностью вошло в банку…, и даже немного места осталось.

– Маркетинговый ход, маркетинговый ход… – всё ложь! Обман!.. Железные банки в системе фасовки просто поменяли на дешёвые пластиковые пакеты, а вместо 30% кофе добавили 30 рублей стоимости. А ещё самый раскрученный кофейный бренд мира…, не постеснялись даже заботящуюся птичку нарисовать… – на психику давят… тьфу!.. Да, а кто теперь стесняется?.. У всех заведена легальная система: система сбыта – «маркетинг» – непонятное иностранное словечко, а на деле легальный – политкорректный аналог – для обозначения такой…, – как там училка-то говорила?.. – идиомы что ли… как: «ободрать как липку» – оптимизация

продаж, эффективный способ организации: как продать минимум, но с максимальной выгодой… – обмани здесь, подкопай там, да так чтоб никто не заметил подвоха… – самая действенная оптимизация… «Чтоб вас дети так «оптимизировали»!.. – не огорчаясь, чувствуя торжество победы над «заботливой птичкой», от успешного разоблачёния её наглой лжи, Алекс с наслаждением скомкал пакет, бросил его в мусор и в хорошем настроении, раскрыв тот самый пакетик из холодильника, занялся приготовлением ужина, завтрака и обеда на ближайшие два, а то и три дня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.